

Мария Гиппенрейтер

Бегство к себе

Жизнь подростка

Предисловие

Идти своим путем

Моя дочь Маша стала писать воспоминания о своей жизни, когда ей было почти пятьдесят лет, а я прочла их совсем недавно. К моей памяти о том, что происходило в то время, прибавились ее собственные впечатления о тех же событиях. Увидеть их ее глазами было очень интересно!

Случилось так, что Машин отец и я разошлись, когда Маше было три года. Всякий развод — потрясение для взрослых, а для детей не меньше! Но дети не виноваты, и при разводе они нуждаются в мудром поведении со стороны обоих родителей. Глубоко веря в это, я делала все, чтобы Маша продолжала любить отца и видеться с ним. Она проводила с ним столько времени, сколько он мог. От их контакта произошло много замечательных вещей, о которых она пишет. Главное, ей передались от него любовь к природе, чувство ее красоты и тяга к свободной «естественной» жизни.

С самого раннего детства Маша «сходила с ума» по всему живому — лесу, белкам, лягушкам, собакам, кошкам и лошадям. Однажды я услышала от нее мольбу: «Ну заведи ты мне хоть кого-нибудь, хоть птичку, хоть рыбку, хоть какое-нибудь живое существо!» Откладывать дальше было невозможно. Так у нас появился щенок-спаниель Тимка. Потом еще были и птички, и рыбки, и ежики, и даже белая крыса; все это бегало и летало по квартире, за исключением, конечно, рыбок.

Подрастая, моя дочь все время жаловалась на «эту противную городскую жизнь». Несколько спасали походы в лес с папой, путешествия на байдарках, поездки в горы, но все-таки это было «не то» — опять приходилось возвращаться в город и идти в школу!

Тем не менее помощь, которая приходила от возможностей «городской жизни», и главное — от окружающих людей, «в лесу» она бы никогда не нашла: Дарвиновский музей, и при нем — кружок юных орнитологов, биологическая школа, зверинец К. Э. Фабри, и по другой линии — секции батута, самбо, горные лыжи. Все это ее развивало и укрепляло. Мой муж Алеша (Машин отчим) разделил заботу о Маше-подростке, много с ней беседовал «по душам», не раз приходил на помощь, когда она особенно нуждалась в эмоциональной поддержке.

Подошел конец Машиной школы. Это был момент «освобождения». Неожиданно мы услышали:

«Учиться дальше никуда не пойду, хочу уехать!»

«Уехать куда?!»

«На Байкал! Поймите меня, я всю жизнь о нем мечтаю!!!»

Положение было трудным. Во мне глубоко сидело убеждение, что после школы надо идти в вуз. Оставаться без высшего образования никак нельзя! Так думали мои родители, так думала и я, да и все люди вокруг. С другой стороны, голос дочери звучал так категорично, что стало ясно: убедить или уговорить ее невозможно. Было и еще одно чувство — не хотелось давить на нее, ее ломать. Очень помогли в тот момент слова Алеши: «А почему, собственно, все должны иметь высшее образование? Есть много людей, *вполне достойно* живущих и без него». Поддействовало слово «достойно». И я подумала: сильное стремление Маши идти своим путем, преодолевать трудности — разве это не шаг к достойной жизни? И захотелось ее поддержать. Несмотря на беспокойство и всякие переживания, мы согласились ее отпустить.

Машина поездка «на Байкал» — жизнь в глуши на берегу озера и работа в заповеднике — породила много историй. Хотя о тех событиях мы узнавали из ее писем, теперь, читая обо всем сразу, мы заново окунулись в замечательный,

особый мир, в котором она оказалась. Пришлось также снова попереживать трудные, а иногда и опасные жизненные обстоятельства, на которые, можно сказать, эта «городская девочка» сама напросилась. Зато порадовали ее успехи и способность выживать.

Теперь, глядя назад, я понимаю, что отъезд из дома в семнадцать лет и погружение в непростую жизнь на Байкале не только принесли Маше яркие новые впечатления. Это был *переломный момент* в ее становлении как сильной независимой личности. Она испытала себя, поверила в свои силы и укрепилась в решимости всегда пробиваться к своим мечтам. В результате случился еще не один «крутой поворот» в ее жизни. Об этом — другие ее рассказы.

А я убедилась: все-таки к детям надо иногда прислушиваться — *и в них верить!*

И еще приходит на ум одно мудрое изречение: «Чтобы вырастить одного доброго человека, нужны усилия целой деревни!». В рассказах Маши заметны «усилия деревни», которая ее «растила». Видно, сколько бесценной помощи она получила от многих людей — близких и не очень, бабушек и дедушек, друзей, родных, просто знакомых, учителей, биологов, влюбленных в свою профессию, лесников, сторожей и рабочих леса. Сознывая силу человека, я хочу низко поклониться всем людям, которые дарят эту силу.

Добавлю еще: хорошо жить так, чтобы было что вспомнить! Желаю этого всем, а особенно юным читателям. И не забудьте потом написать воспоминания — для себя, своих родителей, детей и внуков.

Ю. Б. Гиппенрейтер

Мне повезло. С раннего возраста я знала, кем хочу быть и что хочу делать в жизни. Во втором классе нам задали на дом написать сочинение «Кем я хочу быть». Я написала, что хочу быть зоологом, жить в лесу в избушке с дикими зверями и изучать их поведение. На обложку сочинения я наклеила большого полосатого тигра. Мне поставили пятерку.

С годами эта идея росла и крепла, и судьба заносила меня в неведомые края и ставила в трудные, невероятные и иногда смешные ситуации, с которыми надо было справляться. Со стороны могло казаться, что носит меня по жизненному океану, как кораблик без паруса. Но сейчас, глядя назад на свою жизнь, я вижу ту силу, которая всегда подталкивала и вела меня. Не важно, как она называлась — рука Бога, мое высшее «Я» или ангел-хранитель, но она была. Все жизненные ситуации и люди, с которыми я сталкивалась, всегда имели свою задачу: преподать мне урок и научить чему-нибудь, раскрыть и реализовать мои способности или вернуть меня «на путь истинный», если я от него отклонялась.

Закончив школу, я почувствовала необыкновенную свободу. Теперь я смогу наконец осуществить свою мечту — уехать из Москвы куда-нибудь далеко и жить в лесу в избушке.

Еще я сказала себе и всем, что никогда больше не сяду за учебники. С меня хватило школы.

Весной, еще до окончания учебного года, по совету одного знакомого я написала письмо в Баргузинский заповедник на Байкале. В письме рассказала немножко о себе: что я только что закончила школу и хочу приехать в заповедник. Не найдется ли для меня какая-нибудь работа? Согласна на любую. В конце мая я, к великой радости, получила ответ (видимо, сработала фамилия — фотоочерки отца о природе печатались во многих изданиях и были хорошо известны). В письме говорилось, что есть ставки пожарного сторожа и лесника-радиста, и что нужно привезти с собой только самое необходимое. Я попросила у родителей денег на билет в одну сторону, сказав, что на обратную дорогу сама заработаю, собрала рюкзак и отправилась в путь — мой первый дальний самостоятельный путь.

Добираться до заповедника нужно было на трех самолетах — на большом до Иркутска, на среднем — до Улан-Удэ и дальше на небольшом самолете — до заповедного поселка Давша. В Улан-Удэ билетов не оказалось. Город выглядел пустынным и каким-то вымершим, по улицам ветер гонял пыль и мусор. Остановиться мне было негде. Я пошла в аэропорт и попросилась на самолет без билета. Молодые бортпроводники — парень и девушка, усадили меня в своем закутке на пол на рюкзаке и сказали сидеть тихо. Так в начале июня я попала в заповедник. Мне было семнадцать лет.

Кордон

В поселке меня поселили в комнате для гостей и дали несколько дней на привыкание и осмотр окрестностей. Давша состояла из пары десятков домиков, в которых жили научные сотрудники и местные жители. Дорог ни туда, ни оттуда не было. С одной стороны поселок окружен озером, с остальных — горами. Сообщение было возможным только по воде или по воздуху.

Через несколько дней меня вызвал к себе старший лесничий и сказал, что может предложить мне два рабочих варианта. Он указал на высокую гору над поселком и сказал:

— Видишь вон ту гору, а на ней пожарную вышку? Так вот, там под вышкой стоит палатка, в которой можно жить. Нужно каждый день лазить на вышку и обзирать окрестности, нет ли где лесного пожара. До недавнего времени в палатке жил парень, который оттуда сбежал, так как в его отсутствие пришел медведь, порвал палатку, разбросал вещи, расплющил все его консервы и сожрал сгущенку. Парень отказывается идти обратно. Второй вариант — в семнадцати километрах отсюда на берегу озера есть кордон «Северный». Там нужен лесник-радист.

Обдумав оба варианта, я выбрала кордон, представив, как придется таскать на себе воду на эту гору с вышкой. Медведь почему-то меня не смутил.

На следующий день меня погрузили в моторную лодку с несколькими банками тушенки, мешком муки и мешком картошки и отвезли на кордон. Кордон состоял из двух домов. Тот, который поменьше, был заколочен и выглядел недостроенным. Во втором доме было три комнаты и две печки — одна с плитой для готовки, другая — русская. В одной комнате жил молодой парень лет двадцати шести. Он работал лесником и часто уходил в обходы на несколько дней. Другая комната была завалена всяким его барахлом и хозяйственным скарбом, третья комната предназначалась для меня. Электричества не было. Туалета тоже не было, даже на улице. Вода — в озере. Зато были две лодки — одна деревянная весельная, другая моторная плоскодонка «Обь». Еще были две добродушные дворняжки, которые обрадовались новому поселенцу и радостно вокруг меня скакали.

Лесника звали Владик. Ростом он был мне по плечо, очень веселый, все время отпускал шуточки, балагурил, пел песенки и что-нибудь мне рассказывал. Мы с ним быстро подружились, и он стал опекать меня, как младшую сестру. Работа моя заключалась в том, чтобы следить за полосой воды шириной в три километра, чтобы туда не заходили никакие плавучие средства, так как воды эти принадлежали заповеднику. Выдали мне форму — китель и фуражку, переносную допотопную рацию «Недра П», и еще у нас была двустволка, на всякий случай. По рации я должна была выходить на связь с центральным поселком четыре раза в день и сообщать, не было ли нарушений.

— Нерпа, Нерпа, я Сокол, как слышите, прием!

Слышно было плохо. В трубке все трещало и хрипело, иногда комариным писком пробивался человеческий голос. На другом конце сидела радистка Нина, с которой мы быстро обменивались положенной информацией, и иногда очень коротко она сообщала мне какие-нибудь новости, так как болтать о пустяках по рации не разрешалось, да и докричаться друг до друга не всегда удавалось. (Через месяц мне привезли новую стационарную рацию с кучей кнопочек, рычажков и

лампочек, по ней все было хорошо слышно, и мои мучения кончились.) В остальное время я была предоставлена самой себе, озеру, лесу и хозяйству. Зарплату мне определили в семьдесят рублей.

Уроки

Дня через два после моего приезда Владик спросил, умею ли я колоть дрова. Я сказала, что вроде умею. Тогда он дал мне топор и большую чурку и велел ее расколоть, а сам ушел. Чурка почему-то не кололась. От нее откалывались небольшие щепки, но большего я добиться не могла. Я должна была расколоть эту чурку! Это стало делом чести. Сдерживая подступающие слезы, промучившись с ней часа три и натерев кровавые мозоли, я все-таки буквально «разгрызла» ее на мелкие кусочки. Оказалось, что Владик наблюдал за мной через маленькое окошко в сених и веселился. Потом он мне сказал, что чурка эта давно тут стоит, что она в принципе не колется, потому что древесина у нее крученая. Это была шутка, но я все равно молодец. Не сдалась, хоть и москвичка. Чурку, правда, жалко. На ней было удобно колоть дрова.

Надо сказать, что в те годы во мне преобладали в равной степени три основных качества: упорство, любопытство к жизни и желание учиться любым практическим навыкам. В дальнейшем мне все это очень пригодилось.

Следующим этапом моего обучения было освоение керосиновых ламп (как чистить стекла, как обрезать фитиль, чтоб лампа не коптила и светила ярко), а также печек с дымоходами, поддувалами и приготовлением на них еды. Владик показал, как замешивать дрожжевое тесто и печь хлеб в русской печи. Поначалу у меня получались плоские и жесткие лепешки, которые то подгорали, то не пропекались. Но потом дело наладилось, и хлеб стал получаться отменный.

Я быстро освоила весельную лодку и часто заплывала далеко в озеро. Это стало одним из моих любимых занятий. Нередко на закате устанавливался штиль, и вода превращалась в зеркало, отражающее грандиозное цветное представление, которое солнце и облака на прощание устраивали в небе — желтое, ярко-оранжевое, кроваво-красное буйство цветов сменялось фиолетовыми, изумрудными и затем более спокойными серо-розово-голубыми тонами, постепенно затухая вместе с уходящим солнцем. Я гребла по солнечной дорожке, пока она не гасла, и уже в темноте возвращалась обратно.

Вообще Байкал — место необыкновенное. Это самое глубокое озеро (по последним данным — максимальная глубина 1642 метра) и самый большой резервуар пресной воды на планете. Вода в Байкале всегда холодная, восемь — девять градусов, и даже летом в самое жаркое время не прогревается выше двенадцати — четырнадцати. Вода настолько прозрачная и чистая, что можно было, заплыв на большую глубину и свесившись с лодки, наблюдать подводную жизнь. Дно просматривалось на глубину до сорока метров. В озеро впадает более трехсот ручьев и небольших рек, а вытекает из него одна большая река — Ангара.

В Байкале водятся пресноводная нерпа. Эти любопытные создания иногда сопровождали меня в моих плаваниях, высовывали из воды голову и следили за мной, выныривая то с одной, то с другой стороны лодки.

Несмотря на июнь месяц, с озера все время дул пронзительный, холодный ветер, который пробирал до костей. Первые две недели я надевала на себя все, что можно, — тельняшку, свитер, телогрейку, и все равно мерзла. Потом вдруг как-то неожиданно привыкла, перестала замечать холод, стала ходить босиком и даже часто купалась.

Постепенно я освоила и моторную лодку. Нужно было научиться, как заправлять и заводить мотор, чистить засоренные свечи, менять срезанную шпонку (ею, как правило, становился простой гвоздь). На моторке иногда приходилось ездить в поселок за продуктами.

Через пару недель моего пребывания на кордоне я решила, что надо выкопать туалет. Взяв лопату и выбрав место, я попыталась копать. Лопата вошла в землю на сантиметр и застряла. Выяснилось, что грунт вокруг кордона состоит из камней и гальки. Пришлось браться за кирку. Три дня я махала киркой и долбила землю, пока не образовалась яма подходящего размера. Иногда подходил Владик и подбадривал меня:

— Давай-давай. Молодец! Смотри, как у тебя уже получается.

Потом он мне помог склотить кабинку, и у нас наконец появился туалет.

Карлуша

Однажды, гуляя по лесу, я наткнулась на двух воронят, тихо сидящих в траве. Видимо, они недавно выпали из гнезда. Вокруг летали взволнованные родители и истошно орали. Осмотрев птенцов, я заметила, что у одного из них кровь на лапке, и он как-то странно заваливается набок.

Оставив здорового птенца на попечение родителей, я принесла второго вороненка домой. При ближайшем рассмотрении оказалось, что у него сломан ноготок на лапе. Помазав ранку йодом, я посадила птенца в большую коробку. Через три дня он совершенно освоился, стал вылезать из коробки и расхаживать по комнате, внимательно изучая все вокруг. Встречал меня радостными криками, широко разевая клюв. Кормила я его размоченной булкой, земляными червями и рыбой. Так у меня появился новый друг Карлуша. Благодаря нашей дружбе и доверию, которое он мне оказывал, мне удалось подсмотреть и проникнуть в удивительные тайны вороньей жизни, психики и поведения, которые я бы никогда не увидела, наблюдая за дикими воронами. В отличие от ворон средней полосы на Байкале водится подвид черных ворон. Так что Карлуша был весь черный.

Через несколько дней я стала выпускать его на улицу. Он важно расхаживал по двору, крутя головой с боку на бок, тыкал клювом в палочки, шишки, иногда что-нибудь подбирал и таскал в клюве. Когда он проголодавался, то разыскивал меня и начинал громко орать, приседая и разевая клюв.

Постепенно Карлуша стал подлетывать, взлетал на забор и на нижние ветки деревьев. Взлетать вверх оказалось легче, чем слетать вниз. Застрыв на ветке дерева, он долго топтался по ней, поджидая, когда я пройду мимо, и тогда кубарем сваливался мне на голову или на плечо, впиваясь острыми когтями, чтобы удержать равновесие. Благополучно приземлившись, Карлуша умиротворенно устраивался у меня на плече и начинал общаться: издавая тихие нежные звуки, он перебирал клювом мои волосы, дергал за сережку, слегка пощипывал ухо, терся головой о щеку.

У нас во дворе лежала куча сосновых неошкуренных бревен — мне предстояло топором снять с них кору. В этих бревнах водились небольшие жуки-стафилины. По виду они напоминали крупных черных муравьев с мощными полукруглыми челюстями. Однажды я увидела, как Карлуша расхаживает по бревнам, что-то там высматривая. Через некоторое время он уже сидел на заборе в очень странном состоянии: весь нахохленный, тяжело дыша, глаза закатились, клюв раскрыт. Я подошла, заговорила с ним, потрогала — никакой реакции. Тогда я заглянула ему в рот и обомлела — в горле вороненка, вцепившись челюстями в тонкую кожицу глотки, висело несколько стафилин, и ни проглотить, ни выплюнуть их он не мог.

Я взяла пинцет и аккуратно одного за другим вытащила жуков. Это должно было быть очень больно, но Карлуша сидел смирно и не шевелился, пока я не закончила. Это был ему хороший урок.

На следующий день он опять ходил по бревнам. Вид у него был очень злой. Вообще я всегда могла определить, в каком Карлуша настроении. Это было видно по выражению его «лица» и глаз, по тому, как плотно к телу и голове были прижаты перья. В благодушные моменты он весь распушался, перья на голове и вокруг клюва становились торчком, выражение глаз менялось. В тот день он был явно не в духе. Я подошла поближе посмотреть, что он там делает. Это был час расплаты. Увидев стафилину, Карлуша клювом яростно раздалбливал ее в лепешку и только потом проглатывал. Разделавшись таким образом с кучей жуков, он улетел в лес восстанавливать душевное равновесие.

Эта ворона принимала участие во всех моих делах. Одним из его любимых занятий было мытье посуды. Накопив некоторое количество посуды, я несла ее мыть на озеро. Разложив на берегу кастрюли, тарелки, вилки и ложки, принималась за дело. Карлуша был тут как тут. Начиналась игра. Убедившись, что я не подсматриваю (а я делала вид, что не смотрю), он боковыми подскоками подкрадывался и утаскивал кусок мыла или ложку. Отойдя на некоторое расстояние, он рыл клювом ямку, заталкивал туда свой трофей и сверху закладывал камешком. Если я в этот момент поворачивалась и говорила:

— Ах ты разбойник, ну-ка отдай! — Он издавал скрипучие звуки, с недовольным видом выкапывал спрятанное и ходил по берегу, дожидаясь, пока я опять отвернусь.

В спокойные дни, когда на озере не было волн, вода тихонько накатывалась на берег, шелестя мелкими камешками. Это было еще одно развлечение Карлуши. Он бежал вдогонку за убегающей волной, а потом с такой же скоростью пятился назад от наступающей волны, при этом пытаясь поймать перекатывающиеся камешки.

Другим его любимым занятием было посещение дома. С важным видом переступал через порог, входил в комнату и осматривался — чем бы таким заняться? Завидев на столе буханку хлеба, он раскрашивал ее на мелкие кусочки и сбрасывал на пол. Затем подлетал к умывальнику, брал мыло и бросал его в ведро с питьевой водой. Скидывал на пол с полки катушки. Далее наступал черед цветов. Я безуспешно пыталась развести традесканцию, чтобы она вилась по стенам. Прибив к стене консервные банки и наполнив их землей, я натыкала в них черенков. Карлуша методично облетал эти банки, выдергивал отростки и бросал их на пол. Войдя в комнату и застав его за всеми этими безобразиями, я начинала его ловить. Зная, что ему грозит наказание, он, каркая, метался по комнате, все сшибая на своем пути. В конце концов, я загоняла его в угол, и расплата казалась неминуемой. В этот момент Карлуша проделывал свой излюбленный трюк: распушал перья, поднимал хохолок на голове, закатывал глаза, приседал и подставлял мне голову, всем своим видом показывая, какой он хороший и послушный, и что ему надо за ушком почесать. Естественно, моя карающая рука зависала в воздухе, и мне больше ничего не оставалось, как почесать ему головку. Мир восстанавливался, но Карлуша все равно быстро выпроваживался на улицу.

С собаками Карлуша держал нейтралитет, но не упускал случая их подразнить. Выждав удобный момент, когда собака бежала по своим делам, ничего не подозревая, он залетал сзади, пикировал на собаку и, пролетая над ее головой, хлопал крыльями по кончикам ушей. Собака взвизгивала, визжа и лая от досады и неожиданности, а Карлуша усаживался на дерево, дожидаясь, когда улягутся страсти, чтобы повторить свой трюк.

К тому времени он уже подрос, свободно везде летал, сам добывал себе пропитание, ночевал в лесу, но каждое утро был тут как тут. Стоило мне выйти из дома, как он с радостными криками сваливался на меня откуда-то сверху и усаживался на плечо. Это было утреннее приветствие и ритуал. Сначала я должна была его чем-нибудь покормить, потом он чистил мне «перышки» — так начинался наш день. Другим нашим ритуалом-игрой было следующее: я садилась на корточки, протягивала к сидящему на земле Карлуше вытянутую руку ладонью вверх и говорила:

— Ну иди, иди сюда.

Он делал вид, что побаивается и никак не может решиться. Потом боком-боком, осторожно залезал мне на ладонь, поднимался по руке вверх и устраивался на плече.

Со временем он стал подолгу пропадать в лесу, но каждый день непременно возвращался, чтобы пообщаться.

Однажды, вернувшись из леса, Карлуша сел мне на плечо, и я почувствовала резкий запах муравьиной кислоты. Так повторилось несколько раз. Я терялась в догадках и не находила этому объяснения. И вот в один прекрасный день тайна раскрылась. Я шла по лесу и набрела на большую муравьиную кучу. На вершине кучи, распластанный, лежал мой Карлуша и выглядел совершеннодохлым. Голова свесилась, крылья растопырены, глаза закрыты, все перья стоят торчком, сквозь них просвечивает розово-синяя кожа, по которой ползают полчища муравьев.

Зрелище было душераздирающее. В отчаянии я потрогала его. Карлуша открыл один глаз, укоризненно на меня посмотрел, быстро собрал в кучу все свои конечности, резко отряхнулся и спрыгнул с муравейника.

Мне выдалась уникальная возможность увидеть, как птицы избавляются от паразитов, принимая «муравьиные ванны». Муравьи беспрепятственно пробираются внутрь через стоящие торчком перья, выбирая блох, клещей и пухоедов, в изобилии живущих на теле птицы. Так как Карлуша лежал совершенно неподвижно, муравьи его не кусали.

Отрывок из письма:

«Были здесь недавно немцы — корреспонденты. (Я выезжала в Давшу за продуктами и взяла Карлушу с собой.) Так они меня полчаса мучали. Все говорили, что отыскивали в таежной глуши Джоконду с ручной вороной. Всю зафотографировали, записали интервью на два магнитофона. Карлуша все это время сидел у меня на плече, и мы с ним разные фокусы проделывали для этих

немцев. В конце концов он „наделал“ им на магнитофон, чем привел их в искренний восторг. Записали на магнитофон и его ангельский голосочек. В общем, живем здорово, на всю катушку. Вокруг тайга, озеро, ручные звери, закаты и, главное, хорошие люди. И хорошо, что вообще мало людей...»

«Дача»

Иногда на выходные к нам приезжали гурьбой лесники и «научники» из поселка. Наш кордон был для них чем-то вроде дачи, где можно было порыбачить, попить водки и даже поохотиться вдаль от вездесущих глаз жен и начальства. Радистка Нина коротко предупреждала меня по рации:

— К вам едут. Готовьтесь.

Всю эту компанию надо было чем-то кормить. Тут уж приходилось выкладывать все свое умение и готовить, и накрывать, и вообще быть хозяйкой. Я замешивала за день тесто, пекла хлеб. Также моим спасением были оладушки со сгущенкой, которые я наловчилась быстро делать. Иногда привозили с собой гитару и просили меня петь. Наевшись, напившись и нагулявшись в первый день, вся компания засыпала вповалку на полу, кто на чем.

На следующий день обычно ездили на рыбалку. Лесники привозили с собой сети и спиннинги. Рыболовные сети в то время были большой ценностью. Купить их было практически нигде. Часто привезенные сети оказывались безнадежно спутанными, с застрявшими в них водорослями и всяким мусором. Эти клубки вываливали на берег и говорили:

— На-ка вот, распутай. Прежде чем учиться ставить сети, научись сначала их распутывать. Тренируй терпение.

Не знаю, сколько часов в общей сложности я потратила на распутывание этих сетей. Могу только сказать, что процесс этот был сложным и бесконечным, иногда доводившим меня до отчаяния. Рвать сети было нельзя. На одну сеть могло уйти от трех до пяти часов. Зато потом меня брали с собой «в море» и учили, как правильно ставить сеть. Меня сажали на весла и говорили, в каком направлении и с какой скоростью грести. Было интересно наблюдать, как сложенная в лодке сеть потихоньку разматывалась и плавно уходила в воду. Но конечно, проверять сети было гораздо интереснее. Главным уловом был знаменитый байкальский омуль, хариус, иногда попадались небольшие осетры, но мы их выпускали. Позже я самостоятельно стала ездить ставить и проверять сети. Карлуша всегда меня сопровождал. Он садился на нос моторки, распластавшись и плотно прижав к телу перья, чтобы его не сдуло ветром. Когда я вынимала рыбу из сети и бросала ее в лодку, Карлуша выклевывал у рыбы глаза, а мелких рыб съедал целиком.

В полукилометре от кордона в Байкал впадала небольшая речка. В ее устье водились линки и таймени. Туда мы ходили рыбачить со спиннингом. Один раз лесникам удалось поймать огромного тайменя. Вдвоем они еле дотащили его до кордона и потом рубили на куски топором.

Однажды Карлуша прилетел на кордон и начал как-то странно себя вести. Он был возбужден, то подлетал ко мне, то отлетал, как будто звал меня куда-то. Я пошла. Он углубился в лес, но все время возвращался, чтобы убедиться, что я иду за ним. В конце концов, он вывел меня к этой речке, сел на высокую сосну и стал каркать. В устье удили рыбу два незнакомых человека.

Часто с компанией приезжал лесничий нашего участка. Звали его Владимир Николаевич, было ему лет тридцать. Вместо левой кисти у него был железный протез с надетой на него черной кожаной перчаткой, что в моих глазах придавало ему мужественный и несколько загадочный вид. Владимир мне немножко нравился, хотя был безнадежно женат. Чувствуя мое расположение, он любил подтрунивать надо мной и «учить меня жизни».

— Что ты как неживая! Деревенская баба давно бы уже управилась. И стеклышки у керосинок у тебя нечищенные. У хороших хозяек стекла должны блестеть.

Мне становилось стыдно. Разумеется, к следующему приезду все стекла у керосинок блестели и все было вмиг приготовлено. Замечал и хвалил.

Однажды Володя привез с собой самодельный обрез — винтовку с нарезным стволом и коротким прикладом и коробку пуль. Иметь и хранить такое оружие не разрешалось. Он дал все это мне и сказал:

— На, спрячь, пусть здесь у тебя хранится. И смотри, никому не проговоришься.

Это было верхом доверия, и я очень гордилась. Мы вместе проделали процедуру прятанья — завернули обрез в промасленную бумагу, пошли в лес, выдернули небольшую елочку, засунули сверток в яму и посадили елку на место. Получилось

идеально. Теперь главное было не забыть место. Приехав на кордон в другой раз, Володя говорил:

— Пошли постреляем.

Мы шли в лес, откапывали обрез, он ставил мне консервные банки, на которых я и практиковалась. Винтовка стреляла почти бесшумно, с легким щелчком.

Надо сказать, что слово «москвичка» было почти ругательным и действовало на местных как красная тряпка на быка. Всем сразу очень хотелось меня подковырнуть, испытать, поучить жизни или показать, как мало я умею и вообще мало на что способна.

Отрывок из письма:

«...С меня тут быстро сбили спесь (неумышленно, как-то само получилось), и я вдруг увидела, что ничего толком и делать-то не умею. Открытие не из приятных, но зато это первое серьезное столкновение с жизнью, которую я себе избрала. Так что начала я с нуля. Может, в городе я чем-то и отличалась от своих сверстников, но здесь все наоборот. Учусь колоть дрова, пилить, доски строгать рубанком, появляется и хозяйственная хватка. Учусь еще стрелять из ружья. Ведь первый раз стреляла из настоящего дуствольного ружья. С первого раза попала в черепашку, хоть и с довольно близкого расстояния. И вообще, мам, я тут интересные наблюдения за собой произвела: я разучилась обижаться. В тот день, когда я поняла, что не умею толком ничего делать, у меня появилось какое-то жуткое презрение к собственной персоне и зло на то, что, во-первых, потеряла, так сказать, столько лет, ничему не научившись, и, во-вторых, что хватало наглости думать и говорить, что вот я какая, все могу и все знаю. В тот день я довольно мужественно перенесла этот переворот и даже виду не подавала, но с тех пор все это глупое самолюбие как рукой сняло. Я поняла, что просто не имею права обижаться, когда мне в лицо говорят о моих недостатках, или, может, даже и посмеются. Здесь так: сумеешь выдержать, отшутиться, не обидеться — примут, будешь „своим“ человеком. Мне повезло, что я с самого начала быстро сошлась с людьми и успела за разговорами много намотать на ус и сейчас все это постепенно использую...»

Зырин

В Баргузинском заповеднике был директор, но он как-то мало фигурировал в жизни заповедника. Всем хозяйством заправлял главный лесничий. Это был странный человек.

Очень худой, голова огурцом, белесые глаза без ресниц, тонкий прямой рот. На лице как будто застывшая маска без выражения. Он никогда не улыбался, разговаривал сухо и монотонно, всегда носил форму, которая была тщательно отглажена и застегнута на все пуговицы. Двигался он тоже как-то странно, невпопад размахивая руками. И фамилия у него была соответствующая — Зырин. В поселке его побаивались и недолюбливали. На меня он действовал как удав на кролика и вызывал панический ужас.

Однажды Нина сообщила по рации, что на кордон собирается очередная компания и с ними Зырин.

— Мужайся, — хихикнула Нина в рацию.

Пережив короткую паническую атаку и смирившись с неизбежным, я замесила тесто для оладьев. Компания прибыла. Меня, как обычно, посадили на берегу распутывать сетку. Карлуша смотался в лес, он не любил посторонних. К вечеру начался обычный «гудёж». Зырин, прежде чем сесть за стол, вытащил из кармана чистую тряпочку и протер свою тарелку, вилку, стакан, стол вокруг себя и руки. После нескольких стопок он раскраснелся, в глазах появилось выражение, и он вдруг заулыбался, начал что-то рассказывать и отпускать шуточки. Даже похвалил мои оладушки. Улыбка у него была какая-то неловкая, как будто мышцы лица пытались восстановить давно утраченную функцию.

Я наблюдала эту метаморфозу, и мне вдруг стало ужасно его жалко. Страх прошел, и за этой холодной непроницаемой личиной я увидела несчастного, закомплексованного и, наверное, очень одинокого человека. Оказалось, что у него есть имя (кроме как по фамилии, его никто и не называл) и любимая собака, что он любит рыбачить и просто ходить в лес. Потом он порасспрашивал меня, как мне здесь живется, чем я занимаюсь. Мы даже немножко подружились. В конце концов, он улегся спать на свой матрас, даже забыв протереть тряпочкой место, и заснул с улыбкой на губах. Утром он, как обычно, был сух и неразговорчив, но я-то знала...

Проводя много времени в одиночестве, я пристрастилась к чтению. До этого я читать не очень любила. Учась в школе, прочитывала только программные произведения, и то по диагонали. Читала в основном книги на природно-зоологические темы. На кордоне обнаружился большой запас книг. Целые собрания сочинений. Я перечитала всего Мопассана, Золя, Стендаля и Голсуорси, Бальзака, Джека Лондона. Когда Владик бывал дома, он часто читал мне вслух. Мне открылся новый мир.

Во мне стала пробуждаться тяга к знаниям, вдруг захотелось учиться. Тогда-то я и решила, что, когда вернусь в Москву, обязательно буду поступать на биологический факультет.

Браконьеры

Рыбное браконьерство было большой проблемой для заповедника и озера в целом. Браконьеры заплывали в заповедные воды на маленьких и больших судах, тоннами вылавливая омуля.

Однажды я в очередной раз осталась на кордоне одна. Владик ушел на несколько дней в обход с приехавшим из Давши лесником. На берегу остался катер лесника. Выйдя на берег, я увидела, что в направлении кордона плывет большой рыболовный бот. Я пошла домой, надела свой форменный китель и фуражку и вернулась на берег. Подплыв к берегу, насколько позволяла посадка, бот сел на мель. На борту оказались два пьяных и злых мужика. Увидев на берегу катер лесника, они стали кричать, чтобы я сказала им номер катера. Я отказалась. Тогда один мужик говорит другому:

— Дай-ка мне ружье, я ее сейчас шлепну.

Взяв ружье, он стал в меня целиться. Бот качало волнами, и мужик тоже качался, так как был пьяный. Он никак не мог взять меня на мушку. Все это время я стояла на открытом берегу и наблюдала за направленным на меня и мотающимся из стороны в сторону дулом ружья. Страха почему-то не было. В конце концов, сматерившись, мужик бросил ружье и сказал:

— Черт с ней, пусть живет, она не виновата.

Потом прямо в одежде спрыгнул в воду, доплыл до берега, посмотрел на номер катера, вернулся обратно, и они отчалили. Позже выяснилось, что они поставили сети в водах заповедника, лесник нашел эти сети и их снял. Теперь они пытались найти этого лесника, чтобы с ним расквитаться. По рации я сразу сообщила в поселок о случившемся, и нарушителей быстро взяли. Через несколько дней ко мне приехал следователь брать показания. Кажется, их посадили.

Во второй половине июня начался массовый вылет ручейников. Их личинки живут в воде, строя себе домики из подсобного материала — мелких камушков, листиков и палочек. Вытащив такую личинку из домика, на нее хорошо ловить рыбу. Взрослая особь выглядит как крупная черная муха с длинными крыльями. Во время массового вылета ручейники покрывают сплошным шевелящимся ковром всю береговую полосу и частично линию воды в метр шириной. Для птиц, животных и рыб начинается пиршество. В это время к нам на берег приходили из леса черные медведи и паслись как коровы, слизывая ручейников с камней. Я могла стоять не遠деке и наблюдать за ними. Медведи не обращали на меня никакого внимания. Наши собаки тоже с удовольствием кормились ручейниками. Это была богатая белками пища. Возле берега кишела рыба. Лёт продолжался примерно неделю. Потом ручейники как-то быстро все исчезли, часть погибла, а остатки волнами смыло в озеро.

Умный

В июле выяснилось, что мы должны заготавливать сено для лошадей, которых держали в заповеднике. Заготовка сена входила в обязанности лесника, и норма на одного человека была четыре тонны. Нам сообщили, что на период сенокоса в подмогу нам будут посланы еще двое. Таким образом, мы должны будем заготовить шестнадцать тонн. Еще сказали, что нам выделяют лошадь, чтобы возить сено, и надо за ней приехать и ее забрать. Для меня это было радостное известие. У нас будет своя лошадь!

С утра Владик отвез меня в поселок, а сам вернулся домой, погрузив в лодку всю сбрую. Я вызвалась привести лошадь на кордон. Конь оказался полным доходягой — скелет, обтянутый кожей, торчащие ребра, тусклый взгляд, понурый вид. Было впечатление, что он с трудом держится на ногах. Звали его Умный. Мы отправились в путь. Тропа шла вдоль берега и была еле заметна — по ней, видно, давно никто не ходил. Местами она была завалена буреломом. Приходилось идти в обход, а потом снова искать тропу. Конь послушно плелся за мной на поводу, спотыкаясь и переступая через стволы упавших деревьев. Я шла и радовалась, и мечтала о том, как конь отъестся на кордоне, мы подружимся, и я буду ездить на нем верхом в лес. Переход в двадцать километров занял у нас часов шесть-семь.

Когда мы к вечеру добрались домой, оба еле держались на ногах. Я сняла с коня уздечку и пустила его пастись. Он жадно набросился на траву.

До покоса было еще далеко, и я надеялась, что конь за это время поправится и наберется сил. Вообще у меня всегда была мечта иметь свою лошадь. И вот эта мечта сбылась по крайней мере на какое-то время. На следующее утро я радостно отправилась пообщаться с конем. У него на этот счет, видимо, было другое мнение.

Завидев меня, он насторожился, прижал уши и оскалился. Когда я попыталась подойти поближе, он развернулся задом и взбрыкнул в воздух задними ногами, ясно давая мне понять — «не подходи!» Тогда я вернулась домой, взяла кусок хлеба и стала медленно к нему приближаться, держа хлеб на вытянутой руке. Он выпрямил шею, вобрал носом воздух и, прижав уши и взвившись на дыбы, вышиб передним копытом хлеб у меня из руки. Потом быстро развернулся задом и попытался меня лягнуть. Трудно представить, как с ним до этого обращались люди, но результат был налицо. Владик, пронаблюдав всю эту сцену, сказал, что не желает иметь дела с бешеной лошадей, и чтобы я сама разбиралась. К покосу нам нужен рабочий конь.

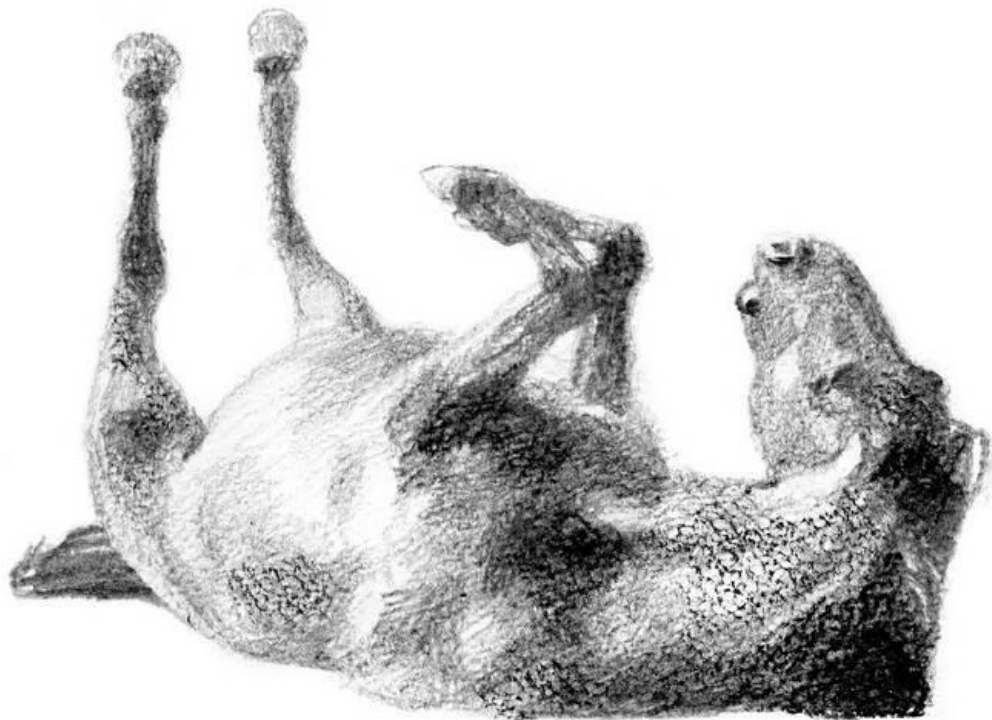
У меня были некоторые теоретические знания о том, как надо приручать диких лошадей, но на практике мне с этим сталкиваться не приходилось. Я решила продолжить попытки с хлебом. С каждым разом дистанция между нами сокращалась, и каждый раз он по-прежнему пытался выбить хлеб у меня из руки. Наконец, подношение было принято, но вслед опять прилетело копыто. Я уже была натренирована и вовремя уворачивалась. Через несколько дней Умный уже брал у меня из руки хлеб, его передняя нога вздрагивала, но удара не следовало.

Отношения явно налаживались. Трогать себя он еще не позволял. На протянутую к нему руку прижимал уши, скалился и норовил укусить.

Начался сезон мошки. Тучи серых облаков со звоном кружились в воздухе, облепляя все живое.

Умный катался по траве или носился по двору, неистово мотая головой и хлеща себя хвостом. Однажды, подходя к дому, я увидела торчащий из входной двери зад лошади. Спасаясь от мошки и преодолев страх, Умный буквально влез в дом. Положение казалось безвыходным. Единственный вход был забаррикадирован, окна — закрыты изнутри. Рискуя получить удар задних копыт, я подала голос, чтобы его не испугать, и стала медленно протискиваться внутрь между конем и стеной дома. Мы оказались лицом к лицу. Все его тело и голова были покрыты серой шевелящейся массой. Мошка лезла ему в глаза, уши и нос, глаза выражали ужас и отчаяние. Медленно протянув руку, я стала счищать мошку с его глаз, морды, шеи. Конь стоял, не шевелясь. Потом я кое-как вытолкала его на улицу, сходила за мазью от комаров и намазала его всего.

Этот случай стал переломным моментом в наших отношениях. Умный совершенно перестал меня бояться, ходил за мной по двору и попыток лягнуть или укусить больше не делал. Он отъелся, бока его округлились, шерсть стала лосниться, в глазах появился блеск. Из полудохлой клячи он превратился в стройного красивого коня. Однажды поздно вечером я вышла во двор и чуть не споткнулась в темноте о что-то большое. Умный лежал в траве, вытянувшись во весь рост, и крепко спал. На его боку сидел Карлуша и тоже спал, засунув голову под крыло. Оба не обратили на меня никакого внимания. С тех пор Карлуша каждую ночь устраивался спать на спине у коня.

Настало время приучения Умного к сбрую. По ходу дела выяснилось, что сбрую он прекрасно знал, но запрягаться в нее совершенно не желал. Стоило мне приблизиться к нему с уздечкой или хомутом, он высоко задирал голову и вставал на дыбы. После нескольких дней уговоров, сдобренных хлебом и сахаром, мы решили и эту проблему.

Конечно же, моей заветной мечтой было сесть на него верхом. Я представляла, как мы будем ездить на длинные прогулки в лес, и все внутри у меня замирало от восторга. Я не знала, был ли он когда-нибудь объезжен, поэтому решила начать с азов. Когда-то я прочитала в одной книжке, что, чтобы сесть верхом на необъезженного коня, нужно нагрузить ему на спину два мешка с песком, как следует его погонять с этими мешками, потом их снять и запрыгнуть ему на спину. После тяжелых мешков конь и не почувствует веса наездника. Все это звучало довольно логично, и я решила испробовать этот метод. Взяла два мешка, наполнила их песком, крепко завязала и связала их между собой. Следующим встал вопрос, как закинуть эти мешки на спину коню, — я даже не могла оторвать их от земли. Как сподручное средство я решила использовать забор. По очереди втащила мешки на забор, подсаживая их снизу коленом и переваливая с одной перекладины на другую (благо забор был сделан из горизонтальных жердей). Водрузив оба мешка на верхнюю перекладину, опять связала их между собой и расположила должным образом. Все было готово. Осталось привести коня. План

был таков: я подведу коня к забору, а когда он поравняется с мешками, залезу на забор и столкну мешки ему на спину. Поймав коня в поле и надев на него уздечку, я повела его вдоль забора.

Дойдя до мешков, Умный остановился, понюхал их и, не обнаружив ничего страшного, остановился. Протолкнув его немного вперед до нужной позиции, я полезла на забор. Конь стоял спокойно, искоса на меня поглядывая. Наступил решающий момент. Поднатужившись, я столкнула мешки ему на спину. Умный сделал шаг в сторону и, оправдывая свое имя, развернулся и встал перпендикулярно к забору. Мешки шлепнулись на землю. Это был неожиданный для меня поворот. Пришлось развязать мешки и опять повторить процесс затаскивания их на забор. Во второй раз все произошло в точности так же. Умный отошел, мешки упали. Проклиная все на свете — и коня, и мешки, и того, кто все это придумал, я проделала процедуру в третий раз — с тем же результатом. К этому времени я уже была вся взмыленная и вконец вымоталась. Мешки-то весили килограммов по семьдесят каждый. Для лошади это может и пустяк... Не то чтобы я была очень слабой, но, по моим подсчетам, за последние полтора часа я затащила на довольно высокий забор почти полтонны песка. В голове саркастически крутился вопрос: кто, собственно, кого объезжает? План явно не работал. Хорошо, что хоть Владика не было дома. Я старалась даже не представлять себе его комментарии, если бы он наблюдал эту картину. Но сдаваться я не собиралась. Нужно было придумать что-то еще. На следующий день созрел новый план.

Я решила запрячь Умного, прицепив к оглоблям два тяжелых бревна, и погонять его с этими бревнами по двору часа два. Когда он окончательно вымотается, я на него и запрыгну. На приготовления потребовалось некоторое время, так как нужно было связать бревна цепью между собой и потом прикрепить их к оглоблям. Умный дал себя запрячь и послушно таскал бревна волоком по двору. Часа через два он покрылся пеной, его пошатывало, и он уже не мог сдвинуться с места. Момент был самый подходящий. Не распрягая, я быстро запрыгнула ему на спину. Что было

потом, помню смутно. Каким-то образом я очень быстро оказалась на земле, а у меня над головой в воздухе просвистели два бревна.

Умный бешено носился по двору, разметывая бревна, оглобли, седёлку, вожжи. Освободившись от всего, он встал как вкопанный посреди двора, раздувая ноздри и дико кося глазами. Мы оба так и не поняли, что произошло.

Проверив, целы ли кости, и собрав по кустам сбрую, я решила, что мы с ним просто будем ходить гулять в лес, и мне вовсе не обязательно при этом сидеть у него на спине.

«Зэки»

Приближалось начало покоса, и в середине июля нам прислали подмогу. Подмогой оказалась семейная пара лет пятидесяти. Выяснилось, что это бывшие заключенные, отсидевшие по десять лет, она — за крупную растрату, он — за убийство. Так как жить в крупных городах им не разрешалось, они приехали в заповедник. Женщину звали Таисия. Она была наполовину якуткой, с черными как смоль прямыми волосами, черными пронзительными глазами, в которых иногда загорался дикий и злой огонек. Голос у нее был низкий, она курила трубку. Ее муж Юра выглядел вполне миролюбиво, не считая щетины и нескольких шрамов на лице.

Поселиться они должны были во втором доме, и даже остаться в нем зимовать, поэтому мы бросили все силы на его утепление и благоустройство. Стены дома не были проконопачены, между бревнами светились щели. Никто не хотел браться за это, потому что работа эта муторная и однообразная. Меня спросили, не хочу ли я подзаработать? Я согласилась. Мне выдали тюк пакли, деревянную лопаточку и колотушку и показали, как это делается: нужно свернуть из пакли длинный жгут, засунуть его в щель между бревнами и при помощи лопатки и колотушки плотно забить туда паклю. Конопатить нужно было снаружи и изнутри дома. Платили мне три копейки за погонный метр. Первые два часа было очень интересно. Когда оба конца у лопаточки расплющивались, нужно было выстрогать себе новую. Закончила я через неделю, получив за работу пятнадцать рублей, из чего следовало, что я конопатила пол погонных километра стен.

Юра с Таисией освоились на новом месте и иногда приходили к нам «в гости». По ходу дела выяснилось, что оба они хорошо выпивают. В трезвом виде они были благожелательны, занимались хозяйством и тоже учили меня жизни. Таисия научила меня всем тонкостям выпечки хлеба. Надо сказать, что хлеб у нее получался удивительный — мягкий, пышный и очень вкусный.

— Тесто руки любит, — говорила Таисия. — Месить его надо до тех пор, пока тесто от рук само не отстанет. Прежде чем ставить хлеб в печку, надо проверить температуру. Выгреби все угли, вымети чисто золу и потом сунь руку в глубь печки по плечо. Если руке горячо, значит, и хлебу будет горячо. Он не подойдет как надо и может подгореть. Если рука терпит, значит, температура правильная. Есть еще и другой способ: брось в печку горсть муки. Если она сразу ярко вспыхивает, значит, горячо, если слегка мерцает и переливается искорками, — как раз.

Когда они напивались, события могли развиваться по двум сценариям. Юра впадал в сентиментальное настроение и начинал вспоминать разные истории из лагерной жизни. Или рассказывал, как он строил Беломорканал и там пырнул кого-то ножом в живот в ответ на словесное оскорбление. За это его, собственно, и посадили. Иногда они просили попеть под гитару и учили меня лагерным песням. Поговорив и попев, мы мирно расходились.

Но бывало и по-другому. Во время беседы глаза у Таисии вдруг загорались злобным огнем, она начинала пристально на меня смотреть и тихо говорить:

— Что, девка, глаз на моего мужика положила? Я ведь все вижу. Смотри у меня, я ведь церемониться с тобой не стану.

В этом у меня не возникало никаких сомнений.

Иногда за меня вступался Юра:

— Оставь девку в покое, что она тебе сделала? Зачем я ей, старый, нужен?

Это только подливало масла в огонь, начиналась свара, дело доходило и до драки. Я убегала в лес и там пряталась, пока страсти не утихнут.

Покос

Начался покос. В тайге травы мало. Растет она в основном по поймам рек и ручьев. Такой ручей вытекал из леса недалеко от кордона, вдоль него мы и должны были косить. Трава была сочная, густая, высотой два метра. Чтобы увидеть друг друга в этой траве, приходилось подпрыгивать и махать руками. Косить я не умела, но пришлось быстро научиться. Вставали мы в пять утра, когда только начинало светать, и косили до полудня. Всю вторую половину дня до заката ворошили и сушили скошенное сено, сгребали в небольшие копешки, чтобы ночная роса его не намочила. В первый же день я натерла себе кровавые мозоли, все тело ломило от непривычной работы. Так продолжалось месяц. С рассвета до заката мы работали на покосе.

В высокой траве иногда скрывались большие осиные гнезда. Некоторые были величиной с футбольный мяч. Однажды, махнув в очередной раз косой, я услышала странный гул. Казалось, что где-то летит самолет, но звук шел откуда-то из-под земли. Как потом выяснилось, я скосила осиное гнездо. Первые несколько мгновений потревоженные осы вьются около гнезда, потом поднимаются вверх и атакуют противника. Я этого ничего еще не знала и стояла и прислушивалась, пытаюсь понять, откуда идет звук. Вдруг прямо передо мной из травы поднялся рой ос и ринулся на меня. Отшвырнув косу, я бросилась бежать. Осы гнались за мной и пикировали как торпеды. Причем одна и та же оса могла жалить несколько раз. Казалось, что спасения нет. Добежав до мелкого ручья, я плашмя легла в него так, чтобы вода закрыла все мое тело. Только тогда осы отстали. После этого случая я несколько дней лежала дома в бреду и с высокой температурой. Все тело распухло и болело от многочисленных укусов, в голове гудело, мысли путались, без конца мерещились осы.

Это научило меня осторожности. В следующий раз, когда я вдруг скашивала осиное гнездо и слышала зловеющий гул, то, не дожидаясь, пока осы поднимутся и меня обнаружат, бросала косу и опрометью с визгом неслась напролом. Наверное, я установила скоростной рекорд по бегу в тайге. С тех пор у меня развился панический страх перед осаами, от которого я не могла избавиться потом много лет.

Через две недели покоса я почувствовала, что истощена до предела. Несмотря на все мои страдания, наши «зэки» выдергивали меня на рассвете из постели и волокли на работу. Жизнь утратила краски, я стала ко всему безразлична. Единственным моим желанием было, чтобы меня оставили в покое и дали тихо умереть. Но умереть мне не дали. Покос продолжался. Пришла пора свозить вместе копны и метать большой стог. Тут-то и пригодились Умный и наша с ним дружба. Когда несколько стогов были поставлены, приехал Зырин и стал замерять объем и вес сена. Шестнадцати тонн, по его подсчетам, не набиралось. Пришлось докашивать. Пройдя критический момент, я втянулась в работу. Мозоли затвердели, мышцы перестали болеть, тело окрепло, и я стала получать удовольствие от всего этого процесса.

Начинали косить по утренней прохладе. Занимался рассвет, небо розовело, от земли поднимался туман. Хорошо отбитая и наточенная коса с хрустом срезала мокрую от росы траву, укладывая ее в ровные валки. Ритм и гармоничность движения, воздух, напоенный запахами утренней тайги, щебет просыпающихся птиц — все это заполняло восторгом до краев, превращая косьбу в песнь тела и души.

Потом жаркое солнце высушивало росу, заводили свою трескотню кузнечики, и запах свежескошенной травы сменялся сладким ароматом подсушенного сена.

Отравляли жизнь только осы. Однажды я обнаружила на нашем дворе небольшое гнездо. Во мне возгорелась жажда мести. Наполнив керосином консервную банку и взяв спички, я на пузе, по-пластунски стала подбираться к гнезду. Когда расстояние позволило, я плеснула керосин в гнездо и кинула туда спичку. Гнездо вспыхнуло. Не могу передать, какое чувство удовлетворения я при этом испытала. Мои страдания были отомщены.

Через месяц норма по заготовкам сена была выполнена, и мы, наконец, смогли

отдохнуть.

Иногда я уходила с книжкой подальше вдоль берега и устраивалась там на теплых камнях. Если на озере не было лодок, увидеть меня никто не мог. Там я загорала, читала или мечтала. О том, что где-то должен быть мой лесной принц, мой Маугли — сильный, загорелый, отважный... В один прекрасный день он вдруг выйдет из тайги или приплывет за мной на лодке:

— Наконец-то я нашел тебя.

У него обязательно будут карие глаза с искорками. Сердце сладостно замирало от всех этих мыслей и образов.

В очередной раз, забравшись на свои камни, сняв с себя всю одежду и устроившись загорать, я задремала и не слышала приближающихся шагов. Очнувшись, вместо Маугли я увидела большую группу туристов с рюкзаками, изумленно глядящих на совершенно голую девицу посреди непролазной тайги. Как эти туристы попали в заповедник, было непонятно. Проходов и троп никаких не было, да и не разрешалось никому проникать на территорию. По их словам, они спустились откуда-то с гор, запутались в карте и вообще не понимали, где находятся. Поспешно натянув на себя одежду, я отвела их на кордон и по рации передала, что у меня тут «богатый улов». За туристами прислали пару катеров и отвезли в Давшу. Там, к обоюдной радости туристов и сотрудников заповедника, им разрешили остаться в поселке на неделю и определили их на покос. Потом дирекция заповедника вынесла мне благодарность за поставку трудовой силы в горячий сезон.

Шторм

В сентябре начались шторма. Когда поднимался сильный ветер, из-за большой глубины Байкал раскачивало так, что из безмятежной зеркально-голубой глади он быстро превращался в серую бушующую стихию. Огромные волны с ревом обрушивались на берег, швыряя, как соломинки, огромные бревна и ворочая валуны.

В один из таких дней мы — двое лесников и я — возвращались из поселка домой. Не дотянув пары километров до кордона, лодка заглохла. Лесники принялись разбирать мотор, пытаясь найти неполадку. Пока возились с мотором, ветер усилился, и озеро начало раскачиваться. Большие волны накатывались на лодку, норовя ее опрокинуть. Меня посадили на весла и велели «держаться носом на волну». Это означало, что я должна была держать лодку перпендикулярно к волнам и не давать ей развернуться, иначе нас перевернет. Мы были довольно далеко от берега, и грести домой по такой погоде было невозможно. В течение трех часов лесники бились с мотором, а я с волнами. Я понимала всю ответственность, возложенную на меня, и от этого мне было страшно — выжить в холодном бушующем Байкале не было бы никаких шансов. Плечи и руки онемели от напряжения, нестерпимо болела шея — нужно было все время поворачиваться и смотреть на нос лодки и на волну. Стало темнеть. Нас неумолимо несло к берегу. Мы начали считать, какой волной лодку выбросит на берег. Было страшно еще и от того, что мы ничего не могли сделать и оставалось только ждать, сдавшись на милость стихии. Разработали план: сразу выскакиваем из лодки и быстро оттаскиваем ее вглубь, чтобы не накрыло следующей волной. Оставалось пять волн, четыре, три, две... Лодка поднялась на гребень последней волны и с грохотом и скрежетом обрушилась на камни. К счастью, ее не перевернуло. Мы были наготове и быстро выпрыгнули, оттащив лодку подальше от берега. Мне понадобилось несколько дней, чтобы отойти от физического и нервного перенапряжения.

Ожог

Я наваривала собакам кашу в большом чугушке на несколько дней. В тот день, сварив кашу, я понесла ее в сени, чтобы остудить, и споткнулась о порог. Часть почти кипящей каши выплеснулась мне на грудь и на правую руку. Быстро оттянув от себя тельняшку, я спасла кожу на груди, а вот с руки кожа снялась вместе с тельняшкой. Внутренняя поверхность руки и локтя были сильно обожжены, прямо на глазах стали вздуваться большие пузыри. Надо было ехать в поселок в медпункт. Мотор, как назло, не заводился. Я бегала по берегу, стараясь подставить руку ветру, чтобы хоть как-то унять нестерпимую боль. Наконец, провозившись с мотором часа полтора, Владик его завел, и мы отчалили. В медпункте никого не оказалось. Я узнала, где живет врачиха, и побежала к ней домой. Она сидела дома и кормила с ложки своего ребенка.

— Что там у тебя? — спросила она, едва взглянув в мою сторону.

Я показала покрасневшую вздувшуюся руку и попросила поскорее что-нибудь сделать.

— Сядь, посиди, — сказала недовольно врачиха. — Видишь, я кормлю ребенка.

Я почти теряла сознание от боли, но сделать ничего не могла. Ребенок вертелся, отворачивался, выплевывал еду и всячески продлевал процесс кормежки. В тот момент я ненавидела детей, их матерей, а заодно и врачей. Наконец мы пошли в медпункт, врачиха большой иглой проколола мне пузыри, чем-то помазала и плотно все это забинтовала. Ожоги на груди тоже очень болели. Никаких обезболивающих средств мне не дали. Я осталась в поселке. Правая рука была подвешена на шарфе, для жизнедеятельности оставалась левая. Меня поселили в той же гостевой комнате, пока не заживет ожог. Через несколько дней, когда боль уменьшилась, и я смогла думать и функционировать, мне предложили поработать, чтобы не сидеть без дела. Рядом строился новый гостевой дом. Он был почти готов, оставалась внутренняя отделка. Мне дали задание — штукатурить стены. Так как я переученная левша (в советские времена всех детей-левшей переучивали), то мне было довольно легко приспособиться все делать левой рукой. Я замешивала раствор и штукатурила стены. Работа продвигалась быстро. Придя домой после работы, надо было отмыться от штукатурки, наколоть дров, растопить печку и приготовить себе еду. Колка дров выглядела примерно так: я ставила левой рукой небольшую чурку на пень, потом брала топор и, пока им замахивалась, чурка падала. Так повторялось довольно часто. Иногда я просто промахивалась. Колоть дрова одной левой рукой пока не очень получалось.

Как оказалось, все эти дни за мной наблюдали из окна научные сотрудники, жившие в соседнем доме. Не выдержав, они вышли ко мне и сказали:

— Хватит, мы больше не можем выносить эту картину. Ты пойдешь к нам жить и будешь нашей дочкой, пока у тебя не заживет рука. Работать ты больше не будешь, мы будем тебя кормить. Возражения не принимаются. Иди и собирай свои пожитки.

Особых пожитков у меня не оказалось, так что переезд состоялся быстро. У меня началась полная «лафа».

Владимир Николаевич и Гитанна были бездетной интеллигентной парой лет сорока. Они приехали в заповедник из Ленинграда и занимались ботаникой, в частности — изучением эндемичных видов растений. Со мной стали нянчиться, кормить, поить, укладывать спать и чуть ли не сказки на ночь рассказывать. Я с ними очень подружилась. Иногда они делали длительные вылазки на соседние болота, где проводили учет клюквы, и брали меня с собой. Учет клюквы проводился так: металлический обруч наугад закидывался на болото. Там, где он приземлялся, нужно было сосчитать внутри его все ягоды. Так повторялось много раз. Потом подсчитывалась площадь круга, среднее арифметическое количество

ягод, все это перемножалось и складывалось, и результат был готов. Меня этот процесс почему-то очень веселил. Порой закинутый обруч приходилось долго искать.

Иногда мы уходили в экспедицию на несколько дней, ночевали на дальних кордонах, собирали различные растения для гербария. Все это было очень интересно. По дороге беседовали на разные темы. После долгой жизни на кордоне и общения с лесниками и «зэками» я отдыхала душой в обществе этих милых людей. Такой контраст и общение с ними еще больше укрепили мое желание учиться.

В конце сентября мы отпраздновали мое восемнадцатилетие. Гитанна и Владимир Николаевич подарили мне роскошный оранжевый шарф, о котором я мечтала, и я почувствовала себя очень взрослой.

Прощание

На кордон я вернулась один раз, чтобы забрать оставшиеся там вещи. Попрощалась с Умным.

Карлуши не было. Мне сказали, что он прилетал несколько раз, но, не найдя меня, перестал появляться.

Октябрь подходил к концу. Однажды я шла по поселку и увидела большую стаю ворон, сидящих на земле. Я подошла ближе, и все вороны взлетели, кроме одной. Эта ворона сидела на траве и пристально на меня смотрела. Я села на корточки, протянула руку ладонью вверх и сказала:

— Карлуша, это ты? Ну иди, иди сюда.

Карлуша (а это был он) сделал несколько шагов в моем направлении, постоял в нерешительности и осторожно шагнул лапой на мою ладонь. Забравшись вверх по руке на плечо, он проделал весь свой ритуал — почистил мне «перышки», пощипал

за ухо, подергал за сережку, потерся головой о мою щеку, что-то тихонько приговаривая. Потом вдруг резко взлетел на ближайший столб и стал громко каркать. Он прощался. Присоединившись к остальным воронам, он улетел. Больше я его не видела. Было грустно, и в то же время я радовалась, что он одичал. Мало ли что можно ожидать от людей.

Возвращение

В середине ноября я вернулась в Москву, заработав на обратную дорогу и привезя с собой еще триста рублей. По тем временам это были большие деньги.

Я раздалась в плечах, окрепла и, как быстро выяснилось, не влезала ни в какие свои старые платья и кофты. Пришлось на скопленные деньги обновить гардероб.

Московская жизнь показалась мне какой-то искусственной, серой, суетливой и скучной. Люди создавали себе странные проблемы и ими жили. Со сверстниками было не о чем говорить.

Молодые люди были неинтересны. Было ощущение, будто я вернулась с другой планеты.

Впоследствии я много путешествовала, жила в разных местах и условиях, проходила разнообразные жизненные школы и опыты, но Байкал навсегда остался самым ярким периодом в моей жизни. Там произошло мое становление, мое первое настоящее знакомство с Жизнью.

В нашей семье всегда присутствовали и прививались определенные ценности: порядочность, скромность, самостоятельность, трудолюбие, некоторый минимализм — материальных излишеств никогда не было, и они не поощрялись. Образование также входило в список этих ценностей. Решив уехать и отказавшись учиться дальше, я пошла наперекор этому. Я очень благодарна родителям за то, что они меня не удерживали, не отговаривали, не читали нотаций. Мама только сказала:

— Тебя как ни корми, все равно в лес смотришь.

Желание учиться дальше было выношено и созрело внутри благодаря хоть и не длительному, но очень значимому для меня байкальскому опыту, а не потому, что так считали мои родители. И это было очень для меня важно.

Детство

Свое раннее детство я помню плохо. Вспыхивают в памяти отдельные моменты или сцены. Мои родители разошлись, когда мне было три года. Старшая сестра, которой было шесть, осталась жить с отцом, а меня забрала мама. Жить нам было негде, и я жила то у двоюродных бабушек, то у бабушки с дедушкой (маминых родителей). Было ощущение неприкаянности, я скучала по маме, но ее часто не было рядом. От бабушки у меня остались очень теплые воспоминания заботы и любви, и еще музыки. Она была учительницей музыки, хорошо играла на пианино и пела старинные русские романсы. От дедушки осталась прямая спина. Помню, как дедушка подходил ко мне сзади, мягко отводил мои плечи назад и говорил: «Ты же принцесса, а у всех принцесс прямая спинка». С тех пор я всегда старалась прямо ходить и сидеть, не облачиваясь, держа спину.

Потом у бабушки обнаружился рак, и меня от них увезли. Бабушка умерла, когда мне было семь лет.

В моих детских и подростковых воспоминаниях, как, наверное, и у любого человека, существуют хорошо запомнившиеся моменты, ситуации и события, которые в дальнейшем оказали на меня влияние и о которых я хочу рассказать. Поэтому последующее описание может показаться где-то несогласованным и отрывочным. Но так работает память.

Перемены

Когда мне исполнилось десять лет, мама купила двухкомнатную квартиру. Началась новая жизнь. У меня появилась своя комната и новые друзья. Ни телевизора, ни телефона у нас тогда не было. Дома делать было нечего. Сделав уроки, мы с друзьями целыми днями дружной гурьбой болтались на улице, играли с мячом в «вышибалы» и в «штандер», в «12 палочек», «казаков-разбойников» и в индейцев. Я часто была вождом индейцев. Зимой мы рыли пещеры в сугробах, строили крепости и устраивали снежковые бои. Однажды я притащила домой бездомного котенка, и мама разрешила его оставить. Потом мне подарили щенка спаниеля. Это было полным счастьем. У меня появился дружок Тимка.

Мама занималась наукой, работала на полторы ставки, домой приходила поздно, а если и оставалась работать дома, то закрывалась в своей комнате, и мешать ей было нельзя. Тогда я и решила, что никогда не буду психологом, а когда у меня будут дети, то я буду сидеть дома и печь им пироги.

У нас поселилась домработница Катя. Она занималась хозяйством и моим воспитанием. В свободное время она шила на заказ на швейной машинке. Я подсаживалась рядом, смотрела, как она шьет, и слушала разные страшные истории, которые она мне рассказывала.

— Смотри, никому не говори, что я шью! — говорила Катя. — А то вот придет Фин, заберет швейную машинку, и нам всем будет плохо.

Я понятия не имела, кто такой Фин и почему он должен прийти, но все равно боялась. Позже выяснилось, что Фин — это финансовый инспектор, который должен был якобы ходить по домам и пресекать незаконные заработки. До нас он так и не дошел. Вообще с Катей мне было скучно, она постоянно всех обсуждала и ворчала на моих друзей и подружек, пыталась меня воспитывать на свой лад. Я протестовала и часто говорила маме, что лучше буду дома сама по себе, но мама, понятно, не соглашалась.

Еще в моем мире существовали сказки. У меня был проигрыватель и много пластинок. Был мой любимый «Маленький принц», «Русалочка» Андерсена, сказки Киплинга и русские народные сказки. Я часами могла слушать эти пластинки, и в голове возникали мои собственные образы, фантазии и мечты, не навязанные мультяшками.

Моя сестра серьезно занималась музыкой. У нас дома стояло старое бабушкино пианино «Беккер». Марина часто приезжала к нам в гости и подолгу упражнялась, разучивая разные музыкальные произведения. Гаммы и этюды звучали по несколько часов в день. Первое время меня это очень раздражало. Я жаловалась маме, что не могу этого больше слышать. Потом в какой-то момент произошел перелом, и я стала прислушиваться к музыке. Марина наигрывала фуги Баха и объясняла мне, как они устроены, как развивается основная тема, влияясь в фугу разными голосами. У меня появились любимые этюды и ноктюрны Шопена, прелюдии и фуги Баха.

Меня тоже решили поучить музыке, и я стала ездить на занятия. Было скучно долбить одно и то же по нотам, и я старалась быстро все запомнить и играть по памяти. За это мне часто доставалось от учителя:

— Опять свое придумываешь! Смотри в ноты!

Хотелось скорей закончить урок и убежать на улицу играть в индейцев. Так я проучилась год и потом бросила.

Мама периодически водила меня в консерваторию на концерты классической музыки. История была такая же, как и с игрой сестры. Мне было скучно, музыка не нравилась. Я сидела и считала в зале лысины, дожидаясь антракта, или рассматривала портреты композиторов, висевших на стенах. Антракт был радостным моментом во всем концерте. Можно было пойти в буфет выпить лимонаду и съесть пирожное. Но однажды все изменилось. Мы слушали «Времена года» Вивальди, исполнял их камерный оркестр под управлением Рудольфа Баршай. Мы сидели очень близко, и было хорошо видно всех музыкантов. Когда дошли до «Летней грозы», я не могла отвести глаз от «первой скрипки». В нем

было столько экспрессии и страсти, черная челка развевалась в такт и падала ему на глаза. Весь оркестр как будто ожил, и музыка грозowymi вихрями охватила все мое существо, по телу бегали мурашки. Это был магический момент. С тех пор походы «на Баршая» стали радостным событием. Я просила маму садиться поближе, чтобы следить за своим любимым скрипачом. Оркестр исполнял все скрипичные и Брандербургские концерты Баха, которые я очень любила.

Сама я стала снова играть на пианино уже позже, лет в шестнадцать-семнадцать. Так как музыкальную грамоту я уже к тому времени подзабыла, то играла по слуху, подбирая старинные русские романсы, которые мне напевала мама и которые когда-то играла моя бабушка. И не только. Как-то я слушала Вторую сонату Шопена, второй частью которой является известный всем траурный марш. И есть в нем такое светлое и грустное место, которое мне очень понравилась, и я решила его подобрать. Происходило это так: я ставила пластинку на этот отрывок, слушала, подбирала кусочек, опять ставила, опять подбирала... Часа через два раздался звонок в дверь. Я открыла. На пороге стояла девушка с большими синими глазами, из которых ручьями лились слезы.

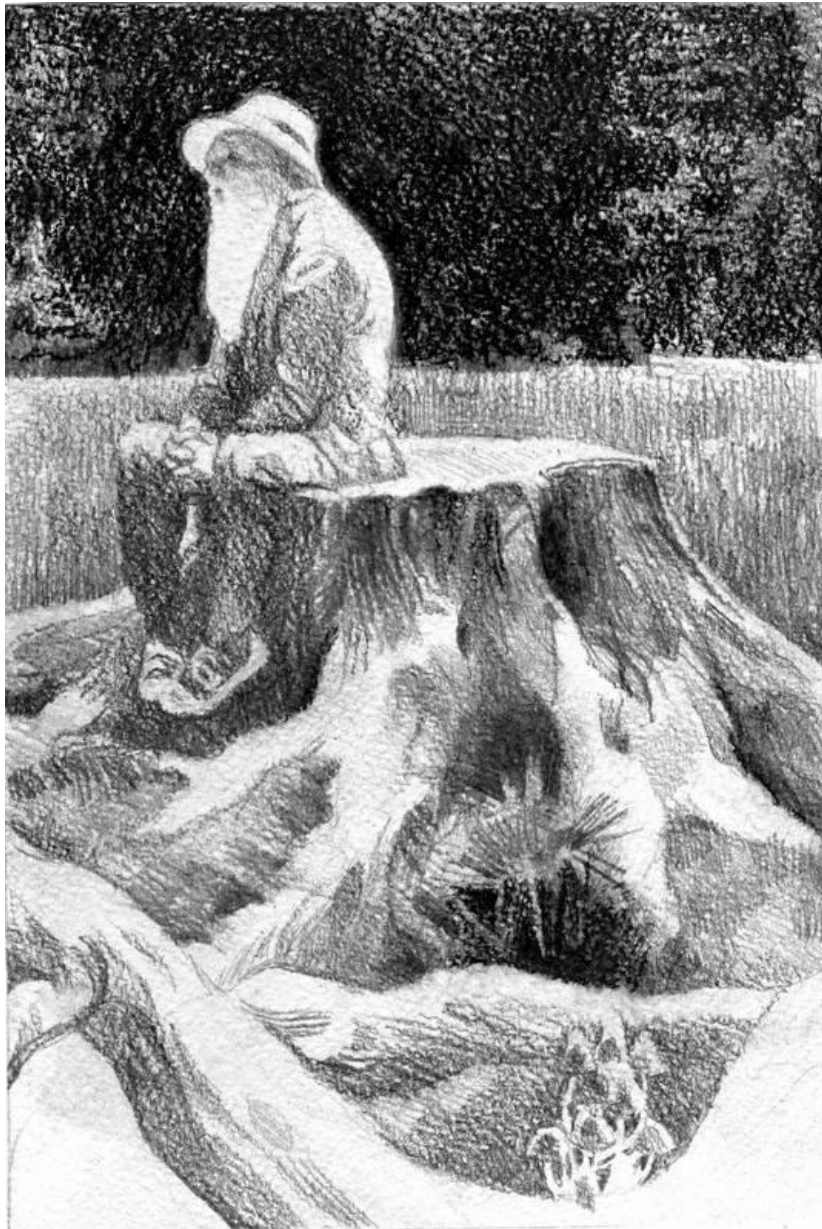
— Это не у вас играют траурный марш?

— Да, у нас, — призналась я.

— Я уже целый час бегая по квартирам, пытаюсь найти, откуда идет звук. Пожалуйста, перестаньте. Я уже вся обрыдалась и больше не могу!

Так я познакомилась со своей соседкой, которая жила этажом ниже, и мы потом очень подружились.

В седьмом классе я стала ходить в зоологический кружок в музей Дарвина. Летом нас вывозили на практику куда-нибудь на природу. Вел кружок Петр Петрович Смолин. Это был невысокий старичок с белоснежной бородой и внимательными голубыми глазами, и был он ходячей энциклопедией лесной жизни. Носил всегда одну и ту же зеленую рубашку, был тихий и напоминал старичка-лесовичка из сказки или лесного гнома. Во время экскурсий в лес Петр Петрович показывал нам разные травки и рассказывал об их свойствах, обращал наше внимание на всякие следы и мелкие детали, которые только он и мог заметить: клочок шерсти на сучке — здесь был лось и грыз вот эту ветку, а здесь лежал кабан, трава примята, учил нас видеть, слышать и чувствовать лесную жизнь, развивать наблюдательность. Нашей основной темой были птицы. Часами, лежа в траве с биноклями в руках, мы наблюдали за гнездами птиц, смотрели, как родители поочередно приносят птенцам разных букашек и выносят мусор из гнезда. Потом учились записывать все данные в дневник наблюдений, писали отчеты, делали зарисовки.

Однажды в лесу я нашла брошенное гнездо дикого голубя вяхиря. Двое птенцов были обречены на гибель. Я принесла их в лагерь, показала Петру Петровичу и радостно заявила, что собираюсь выкармливать их земляными червяками. Птенцы были едва оперившиеся, и Петр Петрович сказал, что они скорее всего погибнут. Но если мне очень хочется попытаться их выкормить, то червяков им надо жевать, так как в их пищеварительной системе еще недостаточно ферментов. Голуби делали бы то же самое. В нашей группе был один мальчик, который тоже проникся к голубяткам и согласился мне помогать. Так что мы с ним по очереди жевали червяков и кормили голубят. Надо сказать, что вкуса у червей практически никакого не было, только песок скрипел на зубах. Несмотря на наши старания, птенцы все-таки погибли, но по крайней мере было чувство, что мы сделали все возможное.

Иногда Петр Петрович «терялся». Он просто исчезал, и никто не мог его найти. Нас снаряжали на поиски, и мы бродили по лесу, крича и аукая, но часто безрезультатно. Иногда кто-нибудь случайно натыкался на него, тихо сидящего на пне и совершенно сливающегося с окружающей средой. Он слушал лес и вовсе не желал «находиться».

Общение с этим удивительным человеком и занятия в кружке мне очень много дали.

Отец

Иногда я приезжала в гости к отцу. Все детство образ отца был для меня недостижимым. Я перед ним благоговела, очень хотелось, чтобы он обратил на меня внимание, похвалил, куда-нибудь со мной пошел, держа за руку. Всю жизнь отец много путешествовал, фотографировал, охотился, добывая себе пропитание, и из своих поездок всегда привозил много интересного. Его квартира была заполнена всякой всячиной: там были шкуры и черепа медведей, бивни моржей, покрытые искусной резьбой, позвонки и «усы» кита, лосиные рога (отец их нашел, он никогда не стрелял лосей), причудливо застывшая вулканическая лава и желтые куски чистой вулканической серы, поплавки от рыбацких сетей, выловленные у побережья Камчатки, разноцветные камешки и коряги, отшлифованные океаном. Все это можно было трогать и рассматривать до бесконечности. Еще у него была «темная комната». Там были разные ванночки, пузырьки с химикатами, увеличитель и красная лампа. Там свершалось действо — отец сам проявлял пленки и печатал фотографии. Он пускал меня внутрь, и я замороженно наблюдала, как на белых листах фотобумаги медленно проступает изображение. Потом фотографии вешались прищепками на веревку сушиться.

Перед поездкой на охоту отец сам заготавливал патроны. Иногда я ему помогала. Выставлялись на стол пустые гильзы, мешочки с порохом, разнокалиберной дробью и капсюлями, войлочные пыжи и картонные кружочки. Сначала нужно было специальным устройством вставить в дно гильзы капсюль, потом мерной ложечкой насыпать в гильзу порох, заткнуть сверху картонным кружочком, потом насыпать дробь и сверху забить войлочный пыж. Патрон готов. Работа эта была ответственной, ошибаться было нельзя. Готовые патроны нужно было вставить в патронташ.

В Москве отец сидеть не любил, а если и приходилось, то часто делал вылазки в лес. Пойти с ним в поход было для меня целым событием. Зимой мы ходили на лыжах в однодневные походы. Готовились заранее. Отец доставал лыжи, мазал их лыжной мазью, потом давал мне растирать мазь бруском из пробки. Это было трудно: пробка прилипала к лыжам и к рукам, но я старалась. Растереть надо было ровным слоем, от этого зависело скольжение. На такси мы доезжали до нужного места и прямо с шоссе сворачивали в лес. Если лыжни не было, отец шел впереди, топтал лыжню. По накатанной лыжне пускал меня вперед. Пару раз он мне объяснил и показал, как правильно ходить на лыжах — не семенить ногами и не шагать, а скользить на каждом шагу, толкаясь палкой. Шаг должен быть широкий. Когда входишь в ритм, идти становится легче. Сам отец катался красиво — размашисто, легко. Эта наука прочно вошла в мое сознание. С тех пор больше никто никогда не учил меня кататься на беговых лыжах, но позже, в старших классах, я стала принимать участие в соревнованиях и была первая сначала в классе, потом в школе, потом и на районных соревнованиях выступала. Физруки удивлялись: откуда такая техника?

До нашей стоянки было всего километров пять, но путь казался долгим. Ныть не полагалось. Отец всегда сам знал, когда сделать привал. Находил поваленное дерево, снимал рюкзак — «Давай посидим». По ходу он показывал мне всякие следы. Вот тоненькая и неглубокая цепочка следов на снегу — мышь пробежала. А здесь заяц проскакал, вынося вперед задние лапы. Тут он погрыз осину. Заяц всегда грызет осину поперек, а лось — вдоль. Ровная цепочка следов, заканчивающаяся разрытой ямой, — лиса мышковала. А вот красивый симметричный отпечаток веера от крыльев и длинного хвоста — взлетела сорока. Глубокие следы в снегу, широкий шаг, обкусанные ветки — прошел лось. Под деревом набросана куча расщепленных шишек — значит, где-то на дереве «кузница» дятла. Он засовывает шишку в щель и выклеивает из нее семена, потом бросает пустую шишку вниз. Если на земле много отдельных чешуек и столбиков от шишек, значит, здесь столовая белки. Мне было интересно представлять события лесной жизни по следам.

Привал всегда устраивали на одном и том же месте, под большой елкой. Отец быстро организовывал стоянку. Я любила смотреть, как он ловко и умело все делает. От его действий исходила уверенность. Разгребал и утапывал снег для костра, из валежины сооружал сиденье, потом шел в лес за дровами. В рюкзаке всегда были охотничий нож и топор. Топоры у отца были отменные. Он сам делал к ним ручки, сам насаживал и точил. В чужие руки свой топор отец давать не любил. Иногда повторял слова северного старика-охотника: «Мужик без топора хуже бабы». Наконец, разводили костер. Для растопки в рюкзаке была припасена сухая березовая кора, свернутая в тугую трубочку. Вообще в карманах рюкзака можно было найти много всяких интересных и полезных вещей: бинт, пузырьки с йодом и марганцовкой, моток лейкопластыря, запасные веревочки, кусочек мыла, иголку с ниткой, коробок спичек, завернутый в промасленную бумагу, маленький фонарик, кусок точильного бруска. Все эти предметы из рюкзака никогда не вынимались и хранятся там по сей день.

Для меня разведение костра всегда было священнодействием и искусством. Укладывались в кучку тоненькие веточки сухого елового хвороста, сверху — ветки потолще. Подо все это аккуратно подсовывалась сухая березовая кора. Зажигалось все с одной спички. Было радостно смотреть, как огонь с коры перекидывается на хворост и тот дружно занимается с веселым потрескиванием. Потом осторожно подкладывались дрова. У отца костер всегда выглядел очень эстетично, не был ни слишком большим, ни слишком маленьким, горел ровно и долго.

Закипала вода в котелке. Заваривали чай. Бросали туда еловую веточку для запаха и вкуса. К чаю были орехи, сушеные абрикосы, кусочки шоколада, печенье. У костра сидели молча, смотрели на огонь, слушали тишину леса, потрескивание дров в костре.

В лесу были свои правила поведения: не орать, не шуметь и вообще много не разговаривать. Топор в живые деревья не втыкать. Ничего за собой на стоянке не оставлять. Отец вообще говорил мало. Если что-то объяснял, то коротко и доходчиво. Голос никогда не повышал. Достаточно было колючего взгляда или коротко брошенного замечания — запоминалось надолго. Иногда он что-нибудь рассказывал. Историй у него было много — про путешествия, про охоту, про повадки зверей. Слушала затаив дыхание — только б не замолчал.

Когда начинало смеркаться, собирались в обратный путь. Костер закидывали снегом, оставшиеся лесины ставили стоймя к дереву — пригодятся в следующий раз. Стоянка оставлялась чистой.

Дома одежда и волосы пахли костром. Хотелось, чтобы этот запах подольше не выветривался.

Весной и летом мы ходили в поход с ночевкой. Ехали на электричке до станции Морозки, оттуда долго шли пешком через лес. Там у отца тоже было свое место.

В весеннее время по пути мы с интересом дрызгались в прогретых солнцем талых лужах, рассматривали лягушачью икру, головастиков, тритонов, закорючки комариных личинок. Лягушек, головастиков и икру я иногда притаскивала домой и запускала в ванну. Было интересно наблюдать, как икринки увеличивались в размере, и внутри начинали просматриваться свернутые в колечко головастики, а у подросших уже головастиков таинственным образом растворялись хвосты и отрастали задние лапы. Катя на меня ругалась:

— У всех дети как дети, а эта бог знает что такое — тащит в дом всякую нечисть, ни постирать, ни помыть. А еще девочка называется. Вот мать придет и тебе задаст!

Но мама относилась к этому философски и с пониманием и никогда не мешала мне исследовать жизнь.

В лесу отец обращал мое внимание на всякую интересную растительность, говорил названия первых цветов. Первыми на открытых проталинах появлялись желтые головки мать-и-мачехи, в лесу зацветали белые ветреницы, куртинки синеньких фиалок, в заболоченных местах желтела яркая калужница, чуть позже зацветали сиреневые хохлатки, разворачивали свои тугие трубочки ландыши, пестрела разноцветными цветочками медуница.

Если мы находили в лесу большой муравейник, то некоторое время наблюдали, как работяги-муравьи снуют взад-вперед по своим тропам, таская всякую всячину — мелкие веточки, жуков, гусениц. Отец показал, как можно сделать себе кислую палочку. Нужно взять прутик, очистить его от коры, положить на муравейник и покрутить. Рассерженные муравьи облепляли пруток и, выгнув брюшки, брызгали в воздух тонкими струйками муравьиной кислоты.

Потом пруток надо было обтрясти от прилипших муравьев, и можно идти и лизать его — он был очень кислый.

На нашей лагерной стоянке, как правило, обнаруживались дрова и колышки для палатки, оставленные с прошлого раза. Отец всегда ставил палатку входом к костру. После еды он уходил в лес побродить и пофотографировать.

В наступающих сумерках заводили свой хор лягушки. На фоне красного закатного неба «тянули» вальдшнепы: сначала раздавался свист крыльев, потом характерное «хорр-хорр» — быстро проносились птицы. Тяга длилась недолго, небо быстро гасло. Отец рассказал, что вальдшнепы — это такие кулики, у них длинный нос и глаза на затылке. Так я и представляла их с глазами на затылке, пока не увидела вблизи. Это оказалось похоже на правду.

Вечером мы долго сидели у костра, шевелили палкой угли, закапывали в них картошку. Спать ложились всегда головой к выходу. Если не было комаров, палатку не застегивали. Можно было долго лежать и слушать звуки ночного леса, смотреть на мерцающие в темноте угли. От костра шло живое тепло. Впереди ждал новый интересный день.

Было у отца удивительное свойство — ненавязчиво, между делом прививать определенные качества, ценности и навыки так, что они оставались на всю жизнь. Я до сих пор, так же как и он, развожу костер, могу молча часами сидеть у огня,

трепетно отношусь к хорошим ножам и топорам, подбираю свитки сухой березовой коры — когда-нибудь пригодится на растопку.

Осталось бережное отношение к лесу и всему живому, умение видеть красоту и в пейзаже, и в капле росы на цветке. Такое же влияние он оказывал на многих людей, соприкасавшихся с ним в жизни.

Болезнь

Лет в двенадцать у меня начались странные явления. В первые 15–20 минут после пробуждения от сна у меня стали непроизвольно дергаться руки. Я не понимала, что это такое, и не обращала на это внимания. Со временем судороги усилились. Я стала проливать на себя чай во время завтрака, иногда у меня из рук вылетали разные предметы. Потом это перешло на ноги.

Судорога длилась доли секунды, я не успевала отключаться, но резко подгибались колени, и я стала падать. Дальше скрывать это было невозможно. Мама всполошилась и начала водить меня по врачам. В конце концов поставили диагноз: эпилептиформный синдром.

Мне прописали несколько лекарств, среди них был фенobarбитал. Он подавлял активность коры головного мозга, и судороги должны были прекратиться. Принимать его нужно было постоянно, постепенно увеличивая дозу. Пропускать или резко бросать нельзя.

Судороги ослабли, но сидели очагом в моем мозгу и иногда вылезали наружу, особенно если я не высыпалась. Фенobarбитал я принимала в течение пяти лет. Вместе с судорогами подавлялась и моя мозговая активность. Стало труднее запоминать школьный материал, появились вялость, сонливость. В школе съехала на тройки. Начались сильные головные боли, которые длились иногда по три дня. Я не могла ни шевелиться, ни говорить, свет резал глаза, руки и ноги холодели. Мир вокруг исчезал, оставались мрак и нестерпимая головная боль, которой, казалось, не будет конца. Мама сидела рядом, растирая мне ноги. Таблетки не помогали. Тогда вызывали неотложку, и мне вкалывали в вену новокаин. Боль отпускала.

(Позже, уехав на Байкал, я бросила принимать таблетки, сказав себе, что природа и здоровый образ жизни меня вылечат. Так и произошло. Судороги прекратились и больше никогда не повторялись.)

После пятого класса, когда мне было тринадцать лет, мама отправила меня в июне на Кавказ. Сама она должна была приехать следом через неделю, чтобы идти со мной через перевал в Сванетию.

Это было мое первое самостоятельное путешествие.

Меня посадили в самолет, поручив стюардессам за мной присматривать, а в Минеральных Водах меня встречали наши знакомые, у которых я и должна была остановиться. До сих пор я была на Кавказе только зимой. Каждый год на зимние каникулы мы с мамой ездили на Кавказ в Терскол кататься на горных лыжах. Так как оба родителя были горнолыжниками, нас с сестрой рано поставили на лыжи. Эти поездки были для нас радостным событием, и я всегда с нетерпением ждала наступления зимних каникул.

Теперь я оказалась здесь летом и была радостно возбуждена, ощутив горячее солнце и увидев покрытые цветами зеленые склоны и бегущие с гор ручьи. Если подняться на подъемнике повыше, то можно было кататься на лыжах. Мокрый крупнозернистый снег сверкал на солнце и слепил глаза, было так жарко, что я могла кататься в одной майке или даже вообще в купальнике. Съехав вниз, где полоса снега заканчивалась, можно было побегать по траве. Кругом цвели рододендроны. Все это было ново и сказочно. Наши знакомые, у которых я жила, отпустили меня «на вольный выпас», так как деться со склона горы я никуда не могла.

Через несколько дней приехала мама, и мы отправились через перевал в Сванетию — маленькую горную провинцию Грузии, расположенную в горах. Мы присоединились к группе сванов, возвращавшихся к себе домой. Это было незабываемое путешествие. Тропа поднималась высоко в горы, стало холодно, снег больше не таял. Исчезло лето, зелень, птицы. Вокруг возвышались суровые

снежные вершины с висящими на них шапками облаков. Мы вошли в одно такое облако, и ничего не стало видно. Потом облака оказались внизу. Это было удивительно — осознавать, что ты стоишь выше облаков, на которые обычно смотришь снизу, а они плывут под ногами. В какой-то момент тропа вышла на ледник. Я шла в резиновых кедах, и было очень скользко. Чуть ниже, параллельно леднику, пролегла глубокая трещина. Неосторожное движение, и можно было улететь в эту трещину и исчезнуть бесследно. Помню, что мне было страшно от этой мысли, и я отслеживала каждый свой шаг. Чуть ниже меня по склону шли несколько женщин сванок, подстраховывая меня, если я поскользнусь.

После перевала тропа пошла вниз, и природа вокруг внезапно изменилась. Стало опять жарко, кругом цвели альпийские луга, бежали ручьи, щебетали птицы. И вот перед нами открылась Местия — маленький, изолированный от мира поселок — столица Сванетии. Она лежала в долине, окруженная зелеными склонами и величественными горными хребтами.

Над небольшими домиками, лепившимися друг к другу, возвышались башни с бойницами, оставшиеся со времен кровной вражды между семьями. Мы остановились в семье известного альпиниста — скалолаза Миши Хергиани. Сам Миша недавно погиб в горах Италии, где их связка попала под камнепад, и в его комнате был устроен небольшой музей. Мой дядя (мамин брат) тоже был альпинистом, и они были очень дружны с Мишей. Поэтому нас приняли как родных. В доме жили родители Миши и его брат с женой и грудным ребенком. Дом был большой и очень бедный. В просторной пустой кухне стоял большой деревянный стол и лавки. Еще там стояла деревянная люлька с грудным ребенком в ней. Меня поразило, что малыша вынимали оттуда довольно редко, только чтобы покормить и иногда сменить пеленки. Остальное время он лежал припеленутый к люльке, без подушки, и его писюлька (это был мальчик) была вставлена в специальную трубочку, напоминающую мундштук от курительной трубки, выведенную наружу для стока мочи. Ребенок практически не плакал. Так я открыла для себя загадку, почему у всех сванов скошенные затылки.

Отец Миши был высокий худощавый старик, очень работающий и добрый. Он водил меня на свой покос, и я смотрела, как он ловко, вприсядку косит траву на крутом склоне. Еще мне запомнились местные свиньи. Они были покрыты коричневой шерстью, очень тощие, полудикие и злые. Однажды я швырнула камешком в такую свинью, и она стала за мной гоняться. Спас меня довольно высокий забор, на который я с перепугу забралась, и свинья еще некоторое время меня там караулила.

Несмотря на бедность, сваны очень гостеприимный народ. В нашу честь был устроен праздник, зарезали поросенка, наготовили вкусной еды, нагнали домашней самогонки. Собралось много народу. Во время застолья каждый поднимал рюмку и произносил приветственный тост. Я заметила, что хоть рюмки поднимали все, выпивал только тот, кто произнес тост. Таким образом никто не напивался, и было сказано много хороших и добрых слов.

Этот поход в Сванетию оставил много ярких воспоминаний и впечатлений. Я увидела совсем другой уклад жизни, простых, добрых, работающих и гостеприимных людей, живущих в маленькой изолированной горной стране.

Это также было то редкое время, проведенное с мамой, без ее постоянной занятости работой. Мы были вдвоем, нам было интересно и весело, у нас было приключение. Мама всегда была веселой, спонтанной, иногда бесшабашной и ребячливой. Она не читала нудных нотаций и по мере возможности предоставляла мне свободу. Я это понимала и очень ценила. В глубине души я всегда гордилась мамой и понимала, что она совсем особенная, не такая, как у других, и мне очень повезло. Мы с ней были друзьями.

Алеша

В одну из наших лыжных зимних поездок мы встретили в Терсколе группу знакомых математиков.

Среди них был высокий, немножко угловатый юноша с большими голубыми глазами. Он недавно закончил мехмат. Звали его Алеша. Мы познакомились. Потом в Москве Алеша стал приходить к нам в гости. Он был не по годам взрослый, очень умный, начитанный, спокойный.

Мы всегда ждали его прихода. С ним было интересно, он всегда что-нибудь рассказывал и умел хорошо слушать. По вечерам читал нам вслух Платона или Геродота. Было видно, что мама ему очень нравилась.

Потом он вдруг перестал появляться. Мама выглядела грустной. Недели через две раздался звонок в дверь. Я открыла. На пороге стоял Алеша с большим букетом белых гвоздик. Он был очень бледен, ноздри его раздувались.

— Где Юля? — спросил он.

Я указала на кухню. Отодвинув меня в сторону, он решительно прошел в кухню, сунул маме цветы и сказал:

— Я хочу, чтобы ты была моей женой.

Мама согласилась.

Под шум и негодование родственников с обеих сторон они поженились. Родители Алеши были в шоке. Их мальчик женился на взрослой женщине с двумя детьми. Родственники с нашей стороны шипели, что она сумасшедшая и не понимает, что делает. Забегая вперед, хочу сказать, что они прожили вместе больше сорока лет и до сих пор живут, являя собой пример взаимоподдержки, терпения, заботы и любви.

Пережив все эти страсти, мы стали хорошо жить. Моя жизнь преобразилась. Алеша стал мне близким другом. Я поверяла ему все свои подростковые горести и радости. Он делал со мной уроки, читал вслух книжки, на ночь рассказывал сказки, мирно разрешал наши с мамой конфликты, если они возникали.

Птичий рынок

Было в Москве одно уникальное место. Не знаю, сохранилось ли оно до сих пор, но тогда это был рынок, который назывался Птичьим. Там продавалось всё! Щенята, котята, лесные и клеточные птицы, говорящие и не говорящие попугаи, змеи, ящерицы, черепахи, всевозможные грызуны, экзотические аквариумные рыбы, аквариумы, всякие растения, кактусы, ракушки, сушеные морские звезды, в общем, все возможные живые и неживые существа, которых только можно себе представить. Это был рай для юного натуралиста. Был там даже сельскохозяйственный отдел с курами, утками, кроликами, поросятами и козлятами. Так как у меня все время дома кто-то жил, то повод поехать на Птичий рынок всегда находился, и каждый раз это был праздник. Мне никогда не удавалось вернуться оттуда с пустыми руками.

Однажды, забредя в сельскохозяйственный отдел, я увидела молодого петушка. Он был сказочный! Перышки переливались всеми цветами радуги, золотая грудка, ярко-красный гребешок, лохматые ножки, молодые хвостовые перья светились сине-зеленым цветом. Я не могла отвести от него глаз. О том, что будет делать петух в городской квартире, я даже не думала.

Петушок поселился у меня в комнате (по понятным причинам выходить оттуда ему не разрешалось). Он быстро ко мне привык, часто устраивался спать у меня на коленях и хорошо не по дням, а по часам. Хвост отрос и ниспадал до пола веером тончайших переливающихся перьев. Петух горделиво расхаживал по комнате, хлопал крыльями и постепенно начинал пробовать свой голос. Поначалу это была смесь странных звуков, напоминающих скрип двери, воронье карканье и неумелое кукареканье. Но голос быстро креп и становился все звонче. Однажды ночью я подскочила в холодном поту от ужасающе громкого звука — петух, наконец, раскукарекался. Как известно, пение петухов в деревнях разносится на несколько километров. Можно только себе представить силу этого звука, запертого в бетонных стенах. Почувствовав свои возможности, петух использовал любой повод, чтобы запеть. Стоило мне среди ночи заворочаться в постели, как он начинал радостно кукарекать, приветствуя наступающее утро. Это могло происходить и в час ночи. Мой сон окончательно нарушился, не говоря уж о моих бедных родителях. Я начала задумываться, какой эффект это кукареканье может оказать на жителей нашего дома — например, вызвать шок или сердечный приступ. Надо было что-то делать. По счастливому стечению обстоятельств, к нам из соседнего пригорода иногда приезжала молочница, привозя настоящее молоко. Вот ей-то я и решила отвезти и подарить петушка. Все были счастливы, включая петуха. Он стал гордым производителем среди стайки несушек. А жители нашего девятиэтажного дома наконец обрели покой.

Биологическая школа и зверинец

После восьмого класса я решила поступить в биологическую спецшколу, чтобы закончить там девятый и десятый классы. Эта школа оказалась на другом конце Москвы. На дорогу у меня уходило полтора часа в одну сторону. Каждый день было по шесть-семь уроков, много задавали на дом.

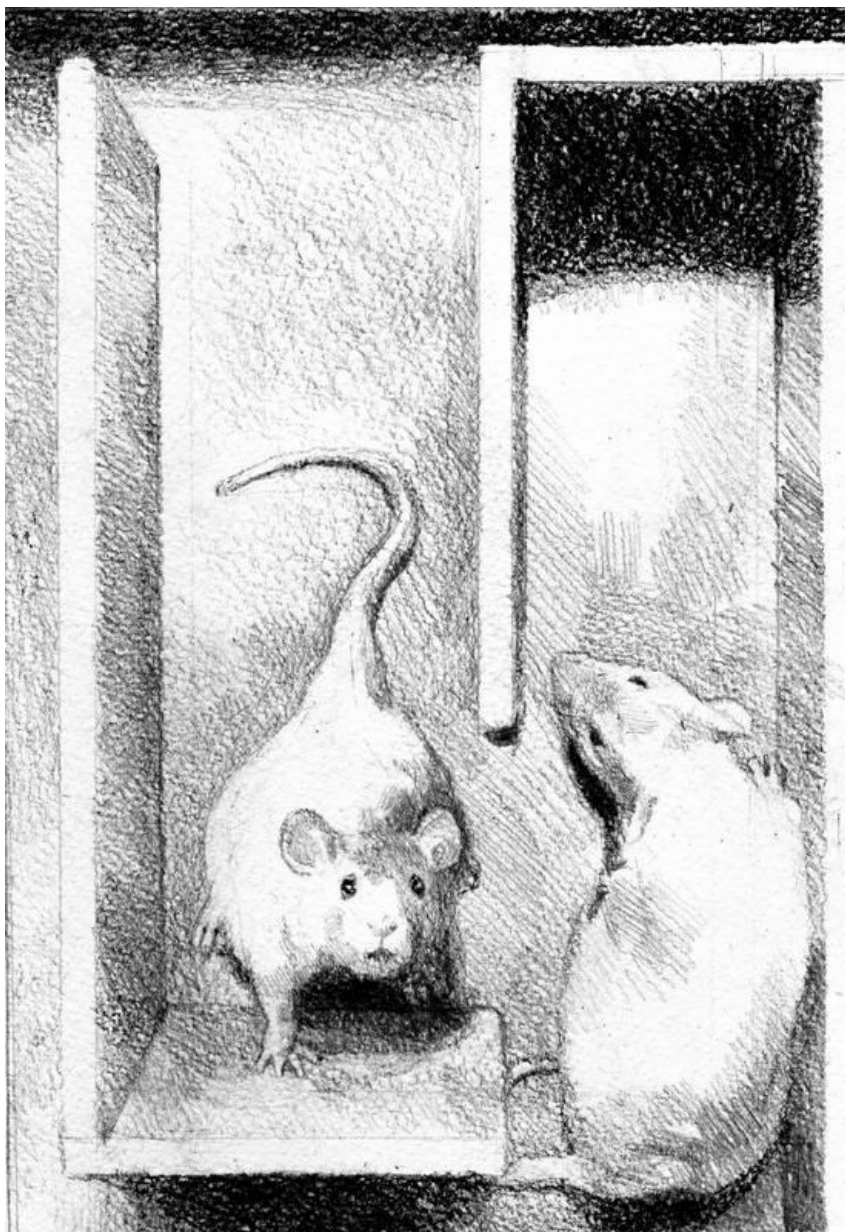
Я очень уставала и плохо справлялась с учебой. Только по биологии и литературе у меня были четверки, по остальным предметам — тройки и двойки. Я приходила домой измотанная, головные боли участились. Мальчик, в которого я была влюблена, меня бросил. Взрослые меня не понимали, я чувствовала себя очень одиноко. В мои пятнадцать лет все беды свалились в кучу, жизнь дала трещину, и у меня началась депрессия, а потом случился нервный срыв.

В конце октября меня забрали из школы, оформив академический отпуск, и решили отправить к нашей знакомой в Сухуми «на воды» подлечить нервную систему. Попасть на море, хоть и в ноябре, было замечательно. Наша знакомая тетя Алла в молодости была «светской львицей», но годам к сорока вдруг обратилась в религию и стала очень набожной. У них недалеко от моря был дом с садом. В саду росли апельсиновые и мандариновые деревья, покрытые душистыми цветами и увешанные плодами всех стадий спелости: от темно-зеленых до ярко-оранжевых. Море было холодное, серое и бурное, но все равно после мрачной московской жизни со всеми ее проблемами это было здорово. Тетя Алла приняла меня как «заблудшую овцу» и решила наставить на путь истинный. На некоторое время это ей удалось.

Меня покрестили в церкви, и одновременно я стала крестной матерью ее сыну, который был на два года меня младше. В это время у них во флигеле жили две странствующие монашки. Это были тихие, кроткие создания. С одной из них, Аннушкой, я очень подружилась. Мы подолгу беседовали на разные темы. Аннушка читала мне вслух Евангелие, учила варить постные супы. От нее исходило необыкновенное тепло, смирение, покой и полное принятие жизни. Все эти качества были очень естественными, без фальши и наигранности. Общение с ней стало для меня необыкновенно целительным.

Через месяц я вернулась в Москву, успокоенная, просветленная и окрещенная.

Впереди был целый год, и надо было что-то делать.

Мама устроила меня работать в зверинец, который принадлежал известному этологу Курту Эрнестовичу Фабри. Этология — наука о поведении животных, была тогда совсем юной в нашей стране.

Попасть к Фабри было для меня большим счастьем и удачей. В зверинце были всякие питомцы: змеи, куры, вороны, галки, крысы, морские свинки, мыши и еще какие-то животные, которых я уже и не помню. В центре комнаты стоял большой лабиринт, который можно было ставить под разными углами к горизонтальной плоскости. В мои обязанности входило кормить и поить животных и чистить клетки. Позже Курт Эрнестович поручил мне проводить эксперименты в лабиринте с крысами и мышами и давать задачки на различение и запоминание геометрических форм воронам, курам и крысам. Все мои наблюдения, результаты и выводы я должна была записывать в журнал. Все это было необыкновенно интересно. По утрам я вскакивала и бежала в зверинец, где и проводила целый день. В ходе экспериментов выяснилось, что куры безнадежно тупые и, оправдывая высказывание «куриные мозги», ничего не запоминают и не различают, и толку в экспериментах от них не было никакого.

Мыши в конце концов находили правильный ход в лабиринте, но запоминали его плохо, и это занимало у них много времени. Если я ставила лабиринт под другим углом, это сбивало мышей с толку и приходилось начинать все сначала.

Вороны и крысы поражали своей сообразительностью. Крысы обучались молниеносно. С первого раза запоминали правильный путь в лабиринте и никогда больше с него не сбивались, несмотря на все мои уловки сбить их с толку (в конце всегда находилась приманка, так что стимул у них был). И вороны, и крысы прекрасно различали геометрические формы и практически всегда делали правильный выбор. Я наблюдала, как крыса «думала», медленно переводя взгляд с одной картинки на другую, и, в конце концов, приняв правильное решение, нажимала на нужный рычажок. Из этой лаборатории я притащила домой маленького крысенка, и у меня появился новый питомец наряду с кошкой и спаниелем. Когда он подрос, они с Рыськой устраивали игру в «догонялки» — сначала кошка бегала за крысенком, а когда ему надоедало убегать, он разворачивался, и роли менялись.

Осенью я снова пошла в девятый класс, но уже в обычную школу. Два последних школьных года были у меня довольно бурными. Вместе с мамой и Алешей мы стали ходить в университет в батутную секцию. Прыгать на батуте было очень здорово, нам всем нравилось! Когда моя врач узнала об этом, то подняла шум, сказав, что мне с моей головой никак нельзя этого делать. Это же сотрясения и перепады высоты. И вообще я должна быть под постоянным наблюдением врачей и сидеть в Москве. Никаких дальних поездок и никаких экстремальных видов спорта. Именно эти две вещи мне и хотелось делать. Пришлось уйти из батутной секции, но внутри стал зреть протест. Узнав, что в нашей районной школе САМБО-70 открылась экспериментальная группа для девушек, я туда и записалась. Раз нельзя прыгать на батуте, пусть меня шмякают об пол. Тренировки в секции были очень интенсивные. Разминка занимала минут сорок. Нас кругами гоняли «гусиным шагом», заставляли вставать на мостик и ходить в этом положении вокруг зала; мы учились делать переднее сальто, сначала с разбега и со страховочными ремнями, потом без ремней и с места. В нас развивали силу, гибкость, прыгучесть и устойчивость.

К тому времени я перезнакомилась со всей окрестной шпаной. Мы часто собирались во дворе, жгли костры, играли на гитарах. Ребята показывали мне аккорды, я быстро их выучивала и стала подбирать разные песни. Иногда отрабатывала на ребятах приемы самбо или показывала что-нибудь новое. Им это всегда было интересно. Я никогда с ними не пила, не курила и не ругалась матом, и меня за это уважали. Подружек практически не было, с ними было неинтересно.

В начале десятого класса я заболела желтухой и месяц пролежала в больнице. Вышла я оттуда в начале ноября и на следующий же день отправилась погулять в лес, который начинался почти от нашего подъезда. Там у меня были свои тропинки и укромные уголки. Земля была припорошена первым снегом, морозный воздух после больницы казался особенно чистым. Я развела небольшой костер и сидела возле него, наслаждаясь тишиной. Неожиданно из кустов вышли пятеро ребят. Это были незнакомые мне подростки лет пятнадцати-шестнадцати, в руках у одного из них была фляжка с алкоголем. Видно было, что они слегка навеселе. Завидев костер, они направились в мою сторону, приняв меня за парня и, судя по их репликам, намереваясь побить (я была в шапке-ушанке, куртке и резиновых сапогах). Подойдя ближе, они разглядели, что я не парень, и у них возникли другие идеи. Я встала и быстрым шагом пошла прочь, они за мной погнались. Я побежала. После месяца, проведенного в больнице, сил бежать было немного, поэтому они быстро меня догнали и вчетвером стали пытаться повалить. Один стоял «на стреме» и было видно, что он не очень хочет участвовать во всем этом.

Занятия самбо развили у меня довольно хорошую устойчивость, и им долго не удавалось свалить меня с ног. Кроме того, видимо, сработал инстинкт самосохранения, и я поняла, что драться с ними нельзя, так как они меня забьют.

Поэтому я просто молча сопротивлялась, пытаюсь удержаться на ногах. В конце концов они меня повалили, и я оказалась в позе, называемой партер — стоящей на коленях и локтях. Это одна из наиболее устойчивых в борьбе поз, и нужно знать определенный прием, чтобы из нее человека перевернуть. Ребята возились вокруг меня, отпуская грязные реплики, разорвали мне куртку и брюки, но сделать ничего не могли. В какой-то момент из леса вышла женщина с ребенком, и парень, стоявший на стреме, что-то крикнул. Ребята убежали. Я побрела домой. Все внутри дрожало, болели отмороженные пальцы, к горлу подступали слезы. Придя домой, я завалилась на кровать и разрыдалась. Мама с Алешей, увидев мой разодранный вид, перепугались, всполошились и стали расспрашивать, что случилось. Я рассказала. Они позвонили в милицию, дав описание, имена и прозвища, которыми ребята друг друга называли. Оказалось, что четверо из них стояли на учете в милиции. Их сразу всех взяли, так как они к этому времени уже сидели по домам.

Потом было следствие, унижительные для меня дачи показаний и очные ставки, слезные просьбы матерей не пускать дело в ход. Я впала в депрессию, мир померк. Такого унижения я еще никогда не испытывала. Моя вера в мужскую дружбу и благородство безнадежно рухнула. Я не понимала, как такое могло со мной случиться. Потом депрессия перешла в злобу и жажду мести. Ребята эти были не из нашего микрорайона, поэтому мы друг друга не знали. Я стала ходить в тот район в надежде встретить их поодиночке и побить. Помню, у меня даже был свинцовый кастет. Отомстили за меня ребята из нашего двора, побив основного заводилу.

Вообще в течение всех школьных лет у меня было чувство «не от мира сего», что я как-то не до конца вписываюсь в окружающую обстановку. Я мало участвовала в школьных мероприятиях, избежала принятия в комсомол, мне были неинтересны сплетни и группировки, я была больше сама по себе. Была у меня в старших классах только одна подруга — Ольга, с которой у нас ощущалось некоторое родство душ. Мы сидели с ней на задней парте, и она часто рисовала карандашом лошадей в разных красивых позах — с выгнутыми шеями, развевающимися гривами и хвостами. Мы так увлекались, что совершенно забывали про урок, и нас в наказание пересаживали на некоторое время на первую парту. Весной было невозможно сидеть в душном классе, и я часто сбегала с уроков и уходила в лес, который начинался прямо за забором школы. Там я бродила по своим заветным тропинкам (Битцевский лесопарк тогда еще совсем не был исхожен), смотрела, где что распускается, слушала птиц. Внутри возникало необъяснимое томление по чему-то неизведанному и еще не реализованному.

Дома у меня была своя комната, наполненная разными интересными вещами — костями, черепами, рогами, перьями, корягами. На полу лежала большая медвежья шкура — один из охотничьих трофеев отца. В медвежий череп я вставила лампочку, и получился ночник. Когда к нам приезжала в гости сестра, она накрывала на ночь ночник платком, говоря, что не может спать в одной комнате со светящимся черепом. Жили у меня разные птицы: чижики, снегири, зяблик, синицы. Был аквариум с рыбами и террариум с песчаным удавчиком. Мама относилась к моей бурной жизни довольно спокойно или просто не подавала виду...

Только теперь, сама став мамой двум сыновьям и двум дочерям, я понимаю, сколько волнений пережила мама, наблюдая мою бурную подростковую жизнь и участвуя в ней. При этом она старалась не ограничивать и не подавлять мою свободу, давая мне возможность самой проходить определенные жизненные уроки, приобретать опыт и развивать самостоятельность. Но я всегда знала: что бы ни случилось, у меня есть поддержка и надежный тыл, мне доверяют и в меня верят. И в трудных ситуациях это знание придавало мне смелости, силы и уверенности в себе.

Лапландия

После девятого класса я уехала одна на все лето на Кольский полуостров в Лапландский заповедник.

Эта поездка мне запомнилась очень хорошо. Три дня я ехала в поезде на верхней полке, глядя в открытое окно. То лето выдалось очень жарким, и вокруг Москвы и почти на всем протяжении пути горели леса и торфяные болота. Иногда поезд шел через стену дыма, и было видно, как по обе стороны от железнодорожных путей полыхает лес. Потом пожары кончились, и потянулись северные пейзажи — сосновые боры-беломошники, вересковые пустоши, болота, покрытые багульником и морошкой.

Поезд длинной змеей извивался среди лесов и болот, в открытое окно дул ветер, принося с собой запахи вереска, летнего зноя и разогретой на солнце хвои, смешанных с дымом тепловоза.

Впереди было лето, полное новых впечатлений и приключений.

В заповеднике мне поручили ответственное дело. Из потревоженных и брошенных утиных гнезд были собраны яйца и помещены в инкубатор. Яйца эти принадлежали гоголю — редкой и находящейся под охраной утке. Мне нужно было следить за температурой в инкубаторе, ждать, когда выведутся утята, и потом стать им мамой в буквальном смысле этого слова. У уток и гусей есть такой инстинкт, он называется *imprinting*, или инстинкт запечатления: первое, что птенцы видят, вылупившись из яйца, они принимают за мать.

Наконец появились утята — симпатичные черно-белые шарики. Их было пятеро. Первые несколько дней я держала их в коробке под лампой, давая им привыкнуть к новому для них миру. Кормила их толченой крапивой, смешанной с вареным яйцом. Через несколько дней мы стали выходить на улицу и совершать длительные прогулки к озеру. Выглядело это так: идет по дороге этакая дылда (это я, значит) двадцатисантиметровыми шажками, следом катятся утята, а замыкает шествие мой спаниель Тимка, держа дистанцию и изо всех сил стараясь не броситься к утятам и не начать их облизывать. Если я задумывалась и ускоряла шаг, утята теряли меня из виду, останавливались, сбивались в кучку и начинали жалобно пищать, сиротливо вытягивая шейки. Приходилось возвращаться. Завидев мои босые пятки, утята радостно кидались вдогонку, помогая себе крылышками-культипками. Над нами потешался весь поселок. Когда я входила в озеро, утята тоже туда вплывали и продолжали следовать за мной. Их надо было кормить каждые два-три часа. Кормила я их личинками ручейников, живших в воде под камнями. Каждый утенок съедал около тридцати таких личинок, поэтому мне приходилось по несколько часов дрызгаться в озере, ворочая камни, а утята толклись вокруг, радостно попискивая. В мелкой воде около берега плавали стайки рыбных мальков длиной около сантиметра, и я решила приучить утят их ловить.

Вооружившись марлевым сачком без ручки, я начала охотиться за мальками. Поймать их оказалось не так-то легко. Каждую минуту я плюхала сачком в воду, пытаясь зачерпнуть рыбок, при этом утят отбрасывало волной примерно на метр. Мальки благополучно уворачивались от сачка и мирно плавали рядом. Я так увлекалась процессом, что начинала разговаривать сама с собой и с утятами, ругаться на мальков, качать головой, размахивать руками. Опомнившись, иногда обнаруживала группу местных ребятишек, стоящих на берегу и глядящих на меня, разинув рты. Иногда это был какой-нибудь студент, сидящий на берегу и с интересом наблюдающий за всем этим действием. И в самый неподходящий момент звучал вопрос:

— Девушка, а что это вы там делаете? — Или: — Маша, а зачем ты надела сапоги?

Оказывалось, что, увлекшись, я залезла в воду почти по пояс. Наконец я все-таки наловчилась зачерпывать в сачок мальков. На фоне белой материи их было хорошо видно и можно было их посчитать. Затем я по очереди сажала утят в сачок, не вынимая его из воды, и они самостоятельно ныряли и ловили рыбешек. Тимка сидел на берегу и с интересом наблюдал за происходящим. Иногда он залезал в

воду и присоединялся к нашей компании.

Утята быстро росли, у них стали пробиваться перышки. Нужно было начинать приучать их к самостоятельной жизни. В полукилометре от поселка находилось небольшое болото с полужаросшим озером.

Там я построила просторную сетчатую вольеру, огородив часть берега и небольшой участок воды.

Стала отводить туда утят и оставлять их там на несколько часов в день, а потом и на ночь. Утята учились самостоятельно добывать себе еду и постепенно дичали. Один утенок погиб. Остальных я в конце концов выпустила на вольную жизнь.

В августе в заповеднике случился пожар — от молнии загорелась сопка. На сопках, там, где кончается лес, начинается ягельная тундра. Ягель является основным кормом северных оленей, которых в заповеднике водилось множество. Растет он очень медленно и образует довольно толстый слой толщиной 30–40 сантиметров. Пожар на сопке был большим бедствием. Несколько работников заповедника и меня в том числе вертолет закинул на эту сопку. Нам выдали по резиновому ранцу со шлангом. В ранец входило десять литров воды. Нужно было сбегать вниз к небольшому озеру, набирать воды, залезать обратно к месту пожара и заливать горящий мох. Огонь прокладывал ходы внутри толстого слоя ягеля и вырывался наружу в самых непредсказуемых местах. Ходить было опасно — ноги то и дело проваливались в ямы, заполненные горячей золой. Целый день мы провели на горе, борясь с огнем, и казалось, что этому не будет конца. Горстка грязных, мокрых и измотанных людей против разгулявшейся стихии выглядела очень неубедительно. Тащить тяжелый ранец с водой на гору уже не было сил.

С одной стороны сопки недалеко от нас бродил и жалобно кричал отбившийся от матери лосенок, с другой стороны доносился рев медведя. Пожар был большим бедствием для всего живого, и в этой ситуации никто ни на кого не нападал. Когда начало темнеть, за нами, наконец, прилетел вертолет. Сопка по-прежнему дымилась, и наутро мы опять должны были туда лететь. К счастью, ночью пошел сильный дождь и полностью загасил пожар.

Мне потом выдали справку, в которой объявлялась благодарность московской школьнице Гиппенрейтер Маше за тушение лесного пожара. Я очень гордилась этой справкой. Она была честно заработана.

Этим же летом родился мой брат Алешка. Когда я вернулась из заповедника, ему было уже два месяца. Наша домработница Катя переключилась на него, мама писала докторскую диссертацию, и я была предоставлена самой себе.

В десятом классе у меня родилась идея после школы уехать из Москвы куда-нибудь подальше. Так я попала на Байкал.

Вернувшись с Байкала, я решила следующим летом поступать в институт, а пока надо было чем-то заняться. Я устроилась работать лаборантом в Московский университет на кафедре океанологии.

Наступило лето, и передо мной возникла дилемма: я хотела учиться и не хотела жить в Москве, и вообще в городе. Эту дилемму решил Московский государственный заочный педагогический институт, куда я и поступила на отделение биологии и химии.

В институте нужно было появляться два раза в год: летом на два месяца, чтобы прослушать курс лекций, отработать лабораторные занятия и сдать экзамены, и на двухнедельную сессию зимой. В остальное время нужно было заниматься самостоятельно, писать контрольные, тесты и все это вовремя отсылать на

проверку.

Отучившись первую летнюю сессию, набрав гору учебников и домашних заданий, я стала думать, куда бы мне опять податься.

Я решила поехать работать в Центрально-Лесной заповедник в Тверской области. Это было недалеко, всего ночь езды на поезде. Списалась с дирекцией, и меня пообещали взять на ставку лаборанта в научный отдел. Взяв с собой вещи, учебники, любимые пластинки, проигрыватель и гитару, я отправилась в новую жизнь.

Центральный поселок заповедника оказался довольно большим. Там были медпункт, магазин, пекарня, научная лаборатория, много домов, конюшня и даже детский сад.

Мне выделили небольшую и уютную комнату в деревянном общежитии. В комнате были печка, кровать, стол, стул и какая-то посуда. Еще были электричество, вода в колонке и даже туалет на улице. В общем, цивилизация. Моей соседкой по общежитию оказалась рыжая веснушчатая полненькая девчушка. Звали ее Наташа. Она была хохотушкой, с веселыми зелеными глазами и мило картавила на «р». Мы быстро подружились. Наташа работала на метеостанции. Несколько раз в день залезала на небольшую метеовышку и снимала показания с датчиков. Она познакомила меня с кучей разных облаков со странными названиями — цирусы, стратоцирусы, кумулюсы, стратокумулюсы, лентикокулярные и т. д., рассказала, что они означают и какую погоду предвещают.

— Ну-ка, пе'г'ичисли виды облаков, — тыкая в небо, картавила Наташа.

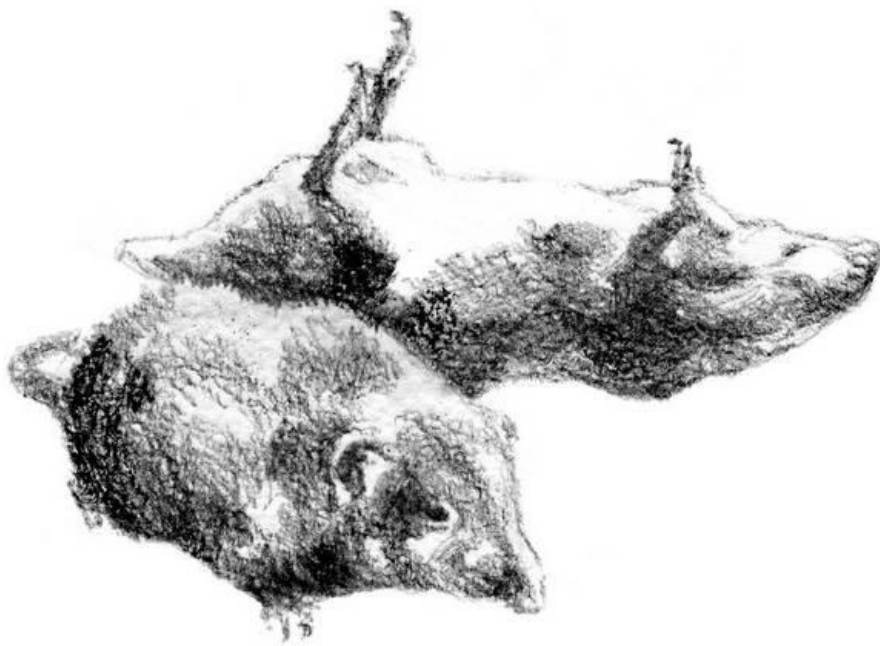
Я перебирала в памяти сложные названия и составляла из них что-нибудь новое. Она хваталась за живот и хохотала:

— Ой, не могу, такого не существует!

Другими соседями были два молодых человека — работники научного отдела. Они были очень серьезные и к нам особого внимания не проявляли.

Меня отдали в распоряжение научного сотрудника, занимающегося изучением землероек.

Землеройки (или бурозубки) — милейшие создания, похожие на мышей с длинным носиком-хоботком. Это одно из самых мелких млекопитающих, живущих на земле. Самые маленькие виды землероек (*sorex minutissimus*) достигают в длину двух — четырех сантиметров и весят два грамма. Питаются они насекомыми, различными личинками и дождевыми червями. Из-за маленьких размеров у них очень активный обмен веществ, сердце бьется с частотой две тысячи ударов в минуту, поэтому им надо все время кормиться. Без еды они погибают через пять-шесть часов.

Изучение этих зверушек происходило следующим образом: мы копали узкие длинные канавки и в дно этих канавок вкапывали глубокие металлические цилиндры. Землеройка бежала, натыкалась на канавку, сваливалась в нее, бежала вдоль канавки и падала в цилиндр, откуда выбраться уже не могла. Нам оставалось собирать «урожай». Несколько раз в день мы проверяли ловушки и описывали виды попавшихся землероек. Самый грустный для меня «сбор» бывал по утрам. Практически все землеройки погибали, не пережив голодных ночных часов.

В заповеднике жил и работал очень интересный человек — Валентин Сергеевич Пажитнов. Он занимался изучением медведей и был хорошо известен в биологических кругах. Мы познакомились. В то время у него жили два осиротевших медвежонка, которых он подращивал, адаптировал к самостоятельной жизни и позже планировал выпустить. Валентин Сергеевич часто выводил медвежат на длительные прогулки и иногда позволял мне к нему присоединиться. Общаться с медвежатами и трогать их не полагалось. Они не должны привязываться к человеку. Мы шли по тропе, а медвежата весело носились вокруг, играли друг с другом, залезали на деревья, но нас из виду никогда не теряли.

Веселая семейка

Через дорогу в доме напротив жила еще одна интересная «семья». Хозяйку тоже звали Наташей. Это была пышнотелая статная женщина лет тридцати, с белой гладкой кожей, округлыми плечами и голубыми глазами — само воплощение женственности. Двигалась она плавно и грациозно.

У нее жили несколько питомцев: молодая медведица по имени Ирка, немецкая овчарка с большими, как у осла, ушами, коза Зойка и хромой волчонок, которого так и звали — Волчок.

Медведицу Наташа выкормила из соски с самого младенчества. Ирка жила во дворе в большой просторной клетке вместе с овчаркой. Они были неразлучными друзьями. Волчонок, видимо, перенес что-то вроде полиомиелита. У него были деформированы кости таза и задних ног, и он ходил как-то боком, подпрыгивая и подволакивая ноги. Держался настороженно и особняком.

Еще у Наташи был вздыхатель Миша. По виду полная ей противоположность — худой, морщинистый, прокуренный и заросший щетиной. Наташу он обожал. Ходил вокруг нее кругами, стараясь дотронуться или погладить, смотрел влюбленными глазами, вздыхал и иногда говорил:

— Какая женщина! Нет, ну ты только посмотри, какая женщина!

В ответ на его ухаживания Наташа поводила плечами и загадочно улыбалась. Несмотря на женственный вид, характер у Наташи был боевой и решительный. Она лихо управлялась со своим хозяйством, командовала Мишей, дрессировала медведицу.

Иногда весь этот паноптикум дружно выходил на прогулку. Я часто составляла им компанию. Выглядело это так: впереди шагала Наташа с медведицей на цепи, с одного боку семенила коза, с другого — овчарка, а сзади ковылял волчонок. Наташа всегда брала с собой палку. Ирка была с характером и порой начинала артачиться. Тогда в ход и шла палка. Если это не помогало, было последнее средство, которое Наташа применяла в крайних случаях, демонстрируя, кто здесь хозяин: она заваливала Ирку и всем телом прижимала ее к земле до тех пор, пока медведица не успокаивалась и не подчинялась.

Однажды, отправившись в очередной раз на прогулку, мы решили пойти подальше. Пройдя небольшой лесок, вышли на колхозное поле, где паслись коровы. Когда поняли свою ошибку, было уже поздно. Коровы, завидев медведицу, перестали пастись, выстроились в боевую шеренгу, пригнули головы к земле и, выставив вперед рога, галопом ринулись на нас в атаку. Мы развернулись и таким же галопом бросились обратно в лес. Пробежав изрядную дистанцию и убедившись, что погоня отстала, мы остановились и еле перевели дух. Это было хорошим уроком.

Вскоре мне открылось, почему у овчарки такие большие уши. Как я уже говорила, они с Ирккой жили в одной клетке и дружили. Но иногда на Ирку «находило» — она усаживалась на задние лапы, сгребала овчарку в охапку и, зажмурившись и урча от удовольствия, принималась сосать у нее ухо. Собака сидела смирно и терпела. Вырваться из этой железной хватки все равно не было никакой возможности.

В сентябре Наташа с Мишей решили поехать на пару недель в отпуск. Оставить хозяйство было не на кого, все отказывались. Тогда они попросили меня. Я согласилась, так как уже попривыкла ко всему этому зверью. Наташа дала мне подробные указания: к Ирке в клетку лучше не входить и из клетки ее не выпускать, козу доить два раза в день, кормить их всех тогда-то и тем-то. Все было просто и понятно, и они укатили в отпуск.

На следующий день я отправилась кормить животных. Завидев меня, Ирка радостно заурчала и подбежала к решетке. Я просунула руку и почесала ей за ухом. В следующий момент когтистая лапа сгребла мою руку и втянула ее в клетку. Заглотив мой большой палец, медведица принялась жадно его сосать. Дав ей насладиться пару минут, я попыталась вытащить палец, но не тут-то было. И без того железная хватка лапы усилилась, Ирка зарычала и прихватила палец зубами. Пришлось смириться. Я начала понимать овчарку и очень ей сочувствовать. Минут через десять палец зловеще распух и стал болеть. Ситуация казалась безвыходной. Надо было как-то отвлечь Ирку. Рядом с клеткой на земле валялась ее миска. Кое-как изловчившись, я ногой притянула миску к себе. Услышав знакомое звяканье, Ирка отвлеклась на долю секунды, и я успела выдернуть палец. Медведица разочарованно взревела и стала горестно мотать головой, но сочувствия во мне не встретила.

Дальше нужно было подоить козу. Это не представляло для меня никакой трудности, так как раньше я доила коров. Взяв банку, я пошла в сарай. Коза мирно жевала ивовый веник и не обратила на меня внимания. Я присела и взялась за вымя. Осознав мои намерения, коза дико взбрыкнула, сшибла банку и начала носиться по сараю. Я — за ней. Стало понятно, что Зойка признавала только Наташу. Если не доить, пропадет молоко. Нужно было принимать жесткие меры. Сначала надо было свести к минимуму траекторию движения козы внутри сарая. Кое-как поймав и привязав ее на короткую веревку к скобе, вбитой в стену, я сделала еще одну попытку подоить. Коза взбрыкнула и опять опрокинула банку. Тогда я зажала ее голову у себя под мышкой. Вытащить голову назад она не могла — не пускали рога, упираясь мне в плечо. Замок был мертвым. Коленом я прижала ее к стене. У меня осталась свободная нога для поддержания равновесия и рука для дойки. Несмотря на пережитый стресс, Зойка отдала все молоко. Этот метод пришлось использовать в течение нескольких дней, пока коза ко мне не привыкла.

Все хозяйство было сдано хозяевам в целости и сохранности.

(К сожалению, история с медведицей окончилась печально. Как мне рассказали позже, Ирка в какой-то момент почувствовала свою силу, завалила Наташу и сильно ее подрала. Наташа попала в больницу, а Ирку отдали в зоопарк.)

Опять лошади!

Однажды меня вызвал директор и сказал, что в поселке сложилась чрезвычайная ситуация и нужна помощь. Безнадёжно запил конюх, лошади остались без присмотра, работать некому. Не соглашусь ли я поработать конюхом пару месяцев? Дважды уговаривать меня не пришлось. Лошади! Ура!

На следующий день я вышла на новую работу (землероек мы, похоже, все равно уже всех переловили).

В конюшне стояло восемь лошадей, развернувшись задом в проход. Они были нечищенные, некормленные и непоенные. Картина довольно удручающая. Я взяла лопату и решила сначала убрать навоз. Завидев меня с лопатой в руках, лошади заволновались, стали переступать ногами, фырчать и пытаться меня лягнуть. Стало понятно, что конюх бил их лопатой по задом и ногам, чтобы они подвинулись, и вообще грубо с ними обращался. Уворачиваясь от мелькавших копыт, я кое-как вычистила конюшню, раздала им сена и принесла воды.

На следующий день принесла с собой гостинцы — морковку, сахар, хлеб. Лошади недоверчиво косились, фырчали, прядали ушами, но гостинцы брали. Через несколько дней меня встречали не задом, а головами. Заслышав мои шаги, лошади разворачивались головами в проход, приветственно ржали, ждали гостинцев. Был среди них молодой жеребец в расцвете сил, по имени Голубок. Был он какого-то необыкновенного сизого цвета, приземистый, с широкой грудью и мощной шеей и диковатым блеском в глазах. При моем приближении он выгибал шею, раздувал ноздри и всячески со мной заигрывал — то дергал за волосы, то прихватывал за рубашку.

Воду для лошадей нужно было таскать из колонки. Это было тяжело, и я решила вместо этого водить туда лошадей и поить их на месте. И мне легче, и лошадям развлечение. Голубок настолько заستاивался в конюшне, что, когда я выводила его наружу, начинал выделять всякие фокусы — танцевал и кружился на месте, вставал на дыбы и шел за мной на задних ногах до колонки, иногда пытаясь поставить передние ноги мне на плечи. Народ вокруг потешался — Маша опять свой цирк на прогулку вывела.

В мои обязанности также входило три раза в неделю забирать из пекарни хлеб и доставлять его на телеге в магазин. Иногда кто-нибудь просил что-то перевезти. Случались и конфузы. Однажды я везла на телеге большой шкаф. Он подпрыгивал на кочках и издавал гроыхающие звуки. Лошадь испугалась и понесла. На очередной кочке шкаф подлетел в воздух, завис на долю секунды и с грохотом приземлился на землю, превратившись в геометрическую развертку самого себя на плоскости. Мы с телегой и лошадью унеслись дальше. К тому времени, как лошадь опомнилась и мы вернулись обратно, у места крушения собрались несколько человек и недоуменно рассматривали эту конструкцию. Собрать обратно шкаф так и не удалось.

Из Москвы навестить меня приехал Алеша. Это было радостным событием. Я водила его в лес за черникой, с гордостью показывала, как я хорошо здесь живу и ловко управляюсь с работой и лошадьми. Как раз пришла пора везти хлеб в магазин. Алеша пошел со мной посмотреть на процесс. Я быстро запрягла лошадь в телегу, загрузила хлеб из пекарни и поехала к магазину. Возле магазина стоял большой столб с отходящей от него вбок опорой. Отчего-то я не справилась с управлением, лошадь с телегой въехали между этими столбами и намертво там заклинились. Ни вперед, ни назад протолкнуть телегу не удалось. Пришлось разгружать хлеб, распрягать лошадь и самим вручную вытаскивать телегу. Алеша мне помогал. Мой триумф обернулся позором. Алеша меня подбадривал:

— Ничего, Машенька, с кем не бывает...

Примерно в десяти километрах от поселка в лесу стояла небольшая избушка, что-то вроде зимовья. Она была в запущенном состоянии. Мне сказали, что если ее привести в порядок и починить печку, то можно будет там останавливаться и даже

ночевать. Идея была заманчивой, тем более что меня после конюшни собирались оформить лесником, и участок надо было все равно обустроить.

Из письма:

«...В среду выписала разрешение на коня, поймала его в поле, проехала верхом без седла. Потом погрузила на него два рюкзака — один с десятью кирпичами, другой — с флягой воды и повезла все это к себе в лес, в избушку. Навела там цемента и сложила печку. Вернее, сделала кирпичный фундамент и обложила железную духовку со всех сторон, а сверху еще глиной обмазала. Прямо хоть бели теперь эту печку. Осталось только трубу сделать и вставить. Везла часа четыре, зато потом приятное ощущение было, что сама сделала. Вот так поживешь, и чему только не научишься...

И туда — и обратно ехала верхом. Теперь второй день ходить не могу. Ноги колесом...»

Наступила поздняя осень. Нужно было готовиться к зиме, запастись дрова. Приближалась и зимняя сессия. Надо было много заниматься, подгонять материал. Заочное обучение требовало самоорганизации и дисциплины. Этих навыков у меня не было, но благодаря тишине и отсутствию городских раздражителей и соблазнов я по вечерам с удовольствием сидела дома, топила печку, слушала свои любимые пластинки, делала домашние задания.

Из письма:

«Живу пока в общежитии. Приехали в поселок еще несколько человек, так что дело с жильем еще осложнилось. Ну да мне все равно. Я заткнула дыры в подполе, на днях вставлю вторые рамы, и дров березовых заготовить надо. Они жару много дают. Так что не пропаду. По вечерам занимаюсь и печку топлю одновременно. Поставила в кухню стол, ставлю на него настольную лампу и сижу занимаюсь. Печка спину греет, тихо, так что заниматься приятно. Вчера протопила русскую печку и поставила на ночь в нее кувшин с молоком. Утром ела творог со сметаной и запивала горячим топленым молоком. Ох и вкусно. В чугунке варю картошку в мундире.

...Приходит ко мне иногда в гости уборщица общежития, она же одновременно и заведующая. То веник принесет, то посоветует чего-нибудь. А недавно принесла большую пуховую подушку, а старую забрала.

— Вот, — говорит, — тебе подушка, чтоб мягче было. Хоть замуж выдавай тебя теперь с такой подушкой.

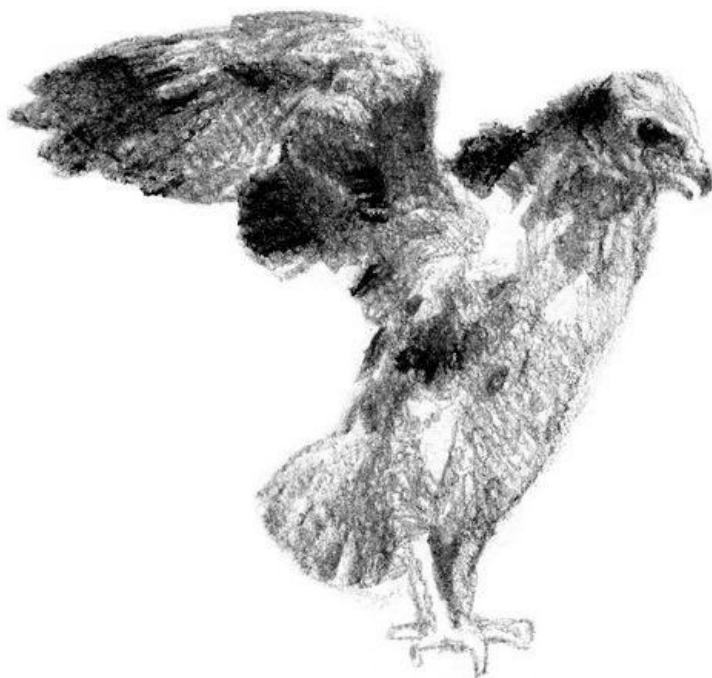
Очень приятная, светлоглазая, светловолосая женщина, 45 лет ей. Типичная русская крестьянка. Такие сейчас нечасто встречаются. Разговариваем с ней иногда. Она все говорит:

— Учись, доча, учись. Все маленько полегче жить ученой-то будет. А мы вот всю-то жизнь все своими руками делаем, через силу.

Руки вытянет, а они у нее такие опухшие, растрескавшиеся. Тут вот и задумаешься невольно. И вообще от нее каким-то теплом всегда веет. И говорит она мягко. И зовут ее тоже Машей. Вот так мы и живем. Здесь уже холодно стало. Днем солнце светит, а утром, как встанешь, все белым-бело от инея. Так сверкает, что глазам больно. Воздух морозный, дыхание иногда приостанавливается. Глаза закроешь, и как будто бы зима. Ночи такие темные, что приходится на улице на ощупь идти, если выхожу в туалет. Зато столько звезд, что просто ужас! Я еще не видывала столько. Прямо в несколько слоев.

Лес уже наполовину облетел, но все равно очень красиво...»

Однажды, гуляя по лесу, я наткнулась на застрявшую в кустах птицу. Это был канюк — крупный хищник семейства ястребиных. У него было повреждено крыло. При моем приближении канюк перевернулся на спину, вытянул вперед когтистые лапы и стал шипеть. Кое-как завернув в куртку, принесла его домой. В общежитии была большая пустая комната, в которой никто не жил. Там я и поселила канюка, прибив к стене толстую ветку. Канюк на удивление быстро ко мне привык, ел из рук мясо. Иногда удавалось раздобыть ему мышей. Он глотал их целиком, потом отрывал плотные комки шерсти — «погатки». Канюк важно расхаживал по комнате, уже мог взлетать на свою ветку, любил сидеть у меня на руке, плотно обхватив ее когтистыми лапами. Было видно, что он поправляется. Уехав на зимнюю сессию, я поручила его ребятам. Когда вернулась, канюка не было. Мне рассказали, что после моего отъезда он перестал есть, захирел и погиб. Было очень жалко, хорошая была птица.

Вернувшись обратно после зимней сессии, я еще некоторое время работала в конюшне. Иногда меня просили встретить кого-нибудь с автобуса. Автобусная остановка была в нескольких километрах от поселка, и зимой приезжему идти пешком, да еще вечером, было не очень заманчиво. Я запрягала лошадь в сани, наваливала туда побольше сена, чтобы было мягче и теплее, заворачивалась в овчинный тулуп и отправлялась в путь. В свете луны высокие ели отбрасывали длинные косые тени на дорогу. Лошадка весело трусила по накатанной колее, мерно поскрипывал снег под копытами, ритмично покачивались сани. В тулупе было тепло и уютно, вокруг была сказка, возникало ощущение очарованности и безвременья. Потом лес кончился, и взору открывалась голубая искрящаяся равнина. Вдалеке желтым светом приветливо светились окошки изб, там топили печки, и ветер доносил запах терпкого дыма.

На обратном пути я иногда решала прокатить седока и пускала лошадь вскачь.

Почувствовав свободу, она неслась галопом, ветер дул в лицо, снег, летящий из-под копыт, заклеивал глаза и нос, было весело и было ощущение счастья.

Иногда мама присылала мне посылки с чем-нибудь вкусным. Это всегда было радостным событием. В посылках были консервы, тушенка, сгущенное молоко, гречка, юбилейное печенье или мой любимый вафельный торт. Как-то я в письме попросила прислать теплые фетровые сапожки с молнией. Они назывались «прощай, молодость», так как были не в моде, их носили бабушки, но зато они были теплые и удобные. Вскоре мне пришли две бандероли, в каждой — по сапогу.

Потом мама рассказала мне историю. Она пришла на почту отправлять сапоги, но их вес превышал допустимый вес бандероли. Надо было идти в другой отдел, покупать ящик, все это обшивать и посылать как посылку, в общем, возня. Тогда мама попросила послать один сапог. На почте отказались: что это, мол, за посылка с одним сапогом, так не полагается!

Мама возразила:

— Но ведь человек может быть одноногий, почему ему нельзя послать один сапог?

На это не нашлись, что ответить, и приняли бандероль с одним сапогом. Тогда мама достала второй.

— Ну а этот-то куда? — возмутились на почте.

— Так там ведь могут быть **два** одноногих человека!

Вот так я получила свои сапоги.

Лыжи, птицы, змееловы

В конце зимы меня снова перевели в научный отдел и поручили проводить учет птиц. Мой маршрут состоял из пятнадцати километров лыжни, по которой я должна была каждый день бегать и считать всех увиденных птиц или их следы. У меня были широкие охотничьи лыжи, палки я не брала, так как в руках были блокнот и карандаш. Лыжня шла через разные типы леса — боры-беломошники, ельники-зеленомошники, смешанный лес, и во всем этом водились разные виды птиц, которых я и должна была записывать в блокнот. Еще у меня был с собой манок на рябчика, которым я пересвистывалась с синицами или рябчиками. В марте начались оттепели, снег подтаивал и становился зернистым, дул теплый ветер, принося новые запахи, и совсем по-весеннему шумел лес. За ночь слегка подмораживало, и лыжи легко катились по крепкому насту. Птицы к весне оживились, начался весенний прилет, и лес зазвенел на разные голоса.

Постепенно круг моего общения расширился. Среди научных сотрудников заповедника было много молодежи. Мы нередко собирались по вечерам, пели и играли на пианино и гитарах, устраивали дискуссии на разные темы. Все это было для меня ново, я присматривалась, прислушивалась. Все они были старше и образованнее меня, и мне было чему поучиться.

Помню, на Восьмое марта мне подарили открытку со стихом:

В ковбойке пестрой клетчатой расцветки, В болотных сапогах не по ноге Мария
вдруг проникла в заповедники оказалась в обществе... коней. Потом ее вдруг от
коней убрали, Надели лыжи и погнали в лес Смотреть, какая птаха здесь летает, И
Маша думает, что это край чудес! Гип Гип ура! Да здравствуют заповедные
метаморфозы!

Однажды, вернувшись с очередного лыжного пробега, взлохмаченная и раскрасневшаяся, гремя лыжами, я ввалилась в общежитие и обнаружила незнакомых людей, сидевших за столом вместе с нашими учеными. Все были уже слегка подвыпившие и веселые. Мое внимание привлек молодой человек, сидевший напротив. У него было вытянутое лицо, большие, слегка навывкате карие глаза, крупный нос с горбинкой. Он пристально меня разглядывал.

Я присоединилась к компании, и веселье продолжалось. Оказалось, что это группа змееловов, приехавшая из Москвы на весенний отлов гадюк. Возглавлял команду известный герпетолог Аркадий Демьянович Неделков, автор книги «Опасные тропы натуралиста», которую я когда-то читала. Он же потом преподавал у нас в институте на третьем курсе. Мир тесен.

В заповеднике было болото, куда на зимовку сползались сотни гадюк, образуя большие клубки. В апреле, когда сходил снег, змеи еще не успевали расползтись, были вялые и малоподвижные, и их можно было легко ловить. Змееловы приехали пораньше, чтобы подготовиться к сезону.

Молодого человека звали Володя. Он заинтересованно расспрашивал, чем я занимаюсь, и попросил как-нибудь взять его с собой в маршрут. Так я впервые увидела своего будущего мужа.

Охота

В апреле один из сотрудников предложил пойти поохотиться на вальдшнепов. Дважды уговаривать меня не пришлось. Вспомнились походы с отцом, весенние «тяги» на фоне закатного неба.

Мы заняли удобную позицию и стали ждать. Небо порозовело, стало темнеть. И вот раздалась характерная песнь — «хорр-хорр» и резкий свист крыльев. Мой напарник всунул мне ружье:

— Приготовься!

Появился первый вальдшнеп. Я прицелилась и выстрелила. Промач. Пара пролетела.

— В следующий раз стреляй с опережением, они быстро летят. И целься во второго вальдшнепа. Первой, как правило, летит самка.

Во мне разгорелся охотничий азарт, руки слегка дрожали, дыхание участилось. Хотелось стрелять во все движущееся. Опять свист крыльев и быстро приближающиеся два темных силуэта. Прицелившись в самца, я выстрелила с опережением. Вальдшнеп кувырнулся в воздухе, как будто споткнулся, и мягко спланировал на землю в нескольких метрах от меня. Попала! В радостном возбуждении я подбежала к своей добыче.

Раненый вальдшнеп трепыхался на земле, безуспешно пытаясь взлететь. Я взяла его в руки. Маленькое тельце, длинный клюв, большие темные глаза, сдвинутые куда-то назад (вспомнились слова отца — «У вальдшнепа глаза на затылке»). И вот ведь правда...). В глазах — боль и ужас. Я чувствовала, как часто бьется его сердце. В моих руках угасала маленькая жизнь.

— Ну что ты на него смотришь? — раздался голос моего напарника. — Сверни ему шею, прекрати его мучения.

Нащупав тоненькую шею и зажмурившись, я это сделала.

Охотничий азарт улетучился, мне стало плохо. Появилось огромное чувство вины и

бессмысленности содеянного. Вернув ружье, пошла домой. На следующий день я отдала птицу таксидермисту и попросила сделать из нее чучело. Этот вальдшнеп простоял у меня на столе «живым» укором несколько лет, пока его не съела моль. С тех пор я больше никогда не брала в руки ружье.

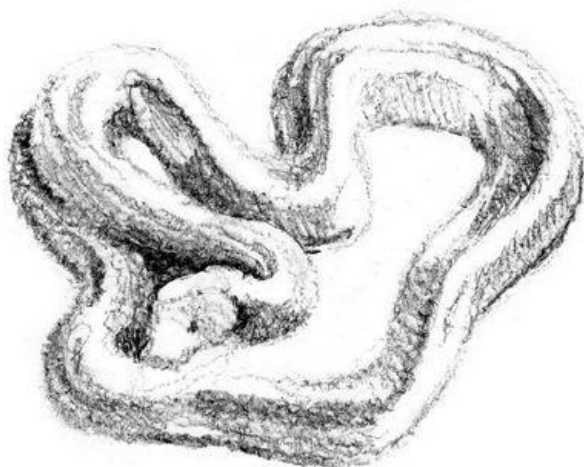
Ловля гадюк

В результате нескольких совместных пробежек по птичьему маршруту у нас с Володей начался бурный роман. Оказалось, что ему 29 лет, он на десять лет старше меня.

Взяв на зимовке нужное количество гадюк, змееловы собирались отправиться дальше в полевую экспедицию. Нужно было долавливать еще змей и «доить» уже пойманных. Я попросилась к ним в помощники. Из заповедника меня отпустили, и, погрузившись в микроавтобус, мы отправились в путь.

Для ловли гадюк у нас были специальные хваталки на длинной ручке. Подцепив гадюку, ее нужно было посадить в мешок и туго завязать. Потом змей пересаживали в плотно закрывающиеся ящики. Дальше предстоял сбор яда.

Мы разбили лагерь в уединенном месте на берегу озера. Поставили сетчатые вольеры, куда предстояло выпустить гадюк. Мне поручили плести тростниковые маты, внутри которых змеи должны были прятаться.

Дойка происходила следующим образом: ставилась шатровая палатка, в ней паяльной лампой воздух разогревался до 40–50 градусов. Туда вносили ящик с гадюками. В жару змеи становились очень активными, метались, шипели и буквально «плевались» ядом. Далее дойщик маленькой хваталкой вытаскивал гадюку из ящика, потом быстро тремя пальцами брал ее голову и давал кусать край стеклянного стаканчика, затянутого пленкой. Разозленная змея вгрызалась в стакан, протыкая двумя верхними зубами пленку, и капля желтой жидкости стекала в стакан. Движения человека должны были быть очень точными, передвигать пальцы или перехватывать голову змеи было опасно. У змей верхняя челюсть не соединена с нижней (поэтому они могут заглатывать крупную добычу), и при неосторожном движении змея может поднять верхнюю челюсть, повернуть ее на 180 градусов и впиться в палец. Процесс дойки длился по несколько часов, люди часто менялись, так как уставали от напряжения и жары в палатке. Потом змей выпускали в вольеры и давали им неделю, чтобы набралась новая порция яда. Затем процедура повторялась. Иногда мы наблюдали змеиные турниры: пара самцов переплеталась телами, и каждый старался пригнуть голову соперника к земле. Кому это удавалось, тот и побеждал.

Помимо плетения матов, в мои обязанности также входило кормление змей. Я часами бродила с сачком по колону в озере, ловя для них зеленых лягушек. Несмотря на то что лягушек было много, ловить их было очень трудно. Они сидели в зарослях тростника и, надувая пузыри, громко квакали со всех сторон, как будто насмехаясь надо мной. Как только я приближалась, они молниеносно исчезали.

После второй или третьей дойки змей выпускали на волю.

Собранный яд ставился в специальный сушильный шкаф, где из яда выпаривалась вода, и он превращался в светло-желтые прозрачные кристаллы. Эти кристаллы и сдавались в аптеку для изготовления из них лекарств. Ценились они на вес золота.

Приближалось время моей сессии, а Володе надо было возвращаться на работу (ловля змей была его хобби во время отпуска). Мы собрались уезжать в Москву. Недялков дал мне с собой небольшой мешок со змеями и попросил отвезти их в институт на кафедру. Приехав домой, я положила мешок в туалете под ванну, где они пролежали пару дней. На следующий день ко мне пришла в гости подруга. Войдя в туалет, она испуганно спросила, что это там за мешок лежит и шевелится. Я говорю:

— А, не обращай внимания, это гадюки, я их завтра должна в институт отвезти.

Подругу как ветром сдуло. Потом она долго отказывалась ко мне приходить.

Отучившись летнюю сессию и отметив в конце сентября свое 20-летие, я уехала работать на север на Беломорскую Биостанцию МГУ. Зимой ко мне туда приехал Володя, оставив работу и московскую жизнь.

Дальше началась моя взрослая жизнь, не менее богатая странствиями, трудностями и приключениями. Но это уже другая история.

Примечания

1

Сейчас, когда отцу Маши, известному фотохудожнику В. Е. Гиппенрейтеру исполнилось девяносто шесть лет, она стала его главной опорой в жизни, соавтором и популяризатором его наследия.